

Игорь Москвин
Петербургский сыск.
1874 — 1883

Игорь Москвин

Петербургский сыск. 1874 – 1883

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611324

ISBN 9785447419691

Аннотация

Нет в истории времени, когда один человек не строил бы преступных планов, а второй пытался если не помешать, то хотя бы найти преступника, чтобы воздать последнему по заслугам. Так и Сыскная Полиция Российской Империи стояла на переднем крае борьбы.

Содержание

Страшный груз. 1874 год	5
Слепые котята. 1874 год	21
Пропавший чиновник. 1874 год	43
Газетная статья. 1874 год	112
Заводской мститель. 1874 год	131
Жизни лишил 1874 год	143
Конец ознакомительного фрагмента.	168

**Петербургский
сыск. 1874 – 1883
Игорь Владимирович
Москвин**

© Игорь Владимирович Москвин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Страшный груз. 1874 год

Петербургская весна на удивление выдалась теплой. Снег, заваливший за зиму город чуть ли не до окон первого этажа, незаметно стоял, не оставив по себе никаких следов. Казавшееся неминуемым очередное наводнение не потревожило размеренного бега Невы, а многочисленные каналы и не делали ежегодных попыток выйти из гранитных берегов.

Иван Дмитриевич Путилин, начальник санкт—петербургской сыскной полиции, вышел на улицу, остановился на мощенной булыжником мостовой, посмотрел на голубое без единого облачка небо и решил пройтись до Офицерской улицы, где находился его кабинет, пешком. Благо, что и солнышко отдавало накопленное за холодную зиму тепло, ласково пробегая прозрачными пальцами по лицу.

Шел неспешным шагом на службу, постукивая неизменной тростью по булыжнику. Не каждый день удавалось ради удовольствия пройтись улицами города, в большинстве случаев суета, спешка, а ныне. Иван Дмитриевич улыбнулся от избытка хорошего настроения.

После приветствия дежурный чиновник доложил, что из Брест—Литовска пришла в адрес сыскного срочная телеграмма.

Иван Дмитриевич в одной руке нес шляпу и трость, дру-

гой размахивал серым конвертом, поднимаясь по лестнице к себе в кабинет, возле которого стоял Миша Жуков в ожидании указаний.

Путилин махнул своему помощнику, мол, заходи.

В окно, сквозь сдвинутые в сторону шторы проникал солнечный свет, падая светлым пятном на стол. Поначалу Иван Дмитриевич поправил плотный материал на окне, чтобы стол был в тени. Повесил шляпу, сбросил плащ.

Уже сидя за столом, открыл конверт и углубился в чтение, не обращая внимания на помощника, присевшего на бархатный стул.

– Прочти, – протянул лист, после минутного молчания. Михаил взял в руку и пробежал глазами по протянутой бумаге. – Поезжай, встретить сундук и вези на экспертизу в анатомический. Я позже подъеду туда.

– Понятно.

В телеграмме говорилось, что несколько дней тому на станции Брест—Литовска от одного не востребовавшего сундука начал исходит подозрительный запах. В присутствии понятых оный был вскрыт, и в нем оказалось расчлененное женское тело, с вырезанными щеками, что не давало возможности сделать фотографию убитой, ее вещи, колода для колки дров с коричневыми следами, видимо кровью, на которой разделали тело. Страшный груз был помещен в квитанции, как меховые изделия, отправлен из столицы две недели тому. Квитанции, заполненные отправителем,

прилагались.

Так хорошо начинался день, а тут труп подсунут из дальних краев, где решили, что раз отправлено из Санкт—Петербурга, значит там и надо искать преступника.

Квитанция была заполнена две недели тому и по всей видимости трясущейся рукой, наличие на ней помарок в виде сдвоенных букв и маленьких пятнышек чернил говорили о волнении преступника. Иван Дмитрич пристально рассматривал бумагу, словно она могла назвать преступника. Поразило, что фамилии отправителя и получателя начинались с одной буквы. Пожалуй, пока все, пронеслось в голове.

Путилин посмотрел на часы. Так Михаил с полученным сундуком будет в анатомическом через час. А пока...

Он вызвал одного из агентов.

— Так, любезный, — проговорил он, смотря в лист бумаги, — посети—ка один интересный адресочек, — продиктовал из квитанции, — и разузнай: живет ли там некий Васильев Николай Иванович.

— Так точно, — агент вышел, а Путилин пожал плечами, показывая самому себе, что не такой глупый преступник, чтобы указывать свой адрес на опасном грузе, зная — туда направятся в первую очередь полицейские.

Из допроса мещанина, обвиняемого в убийстве:

— Дня три пил я беспробудно, все страх давил камнем на сердце. Наливаю в стакан горькую, а у самого свербит,

а что если она встанет и ко мне. Голова кругом, только на третий день решился из дома выйти, от самого камфорой разит. Той, что для вещей меховых была приготовлена, а я ею полюбовницу свою в сундуке... Взял извозчика, погрузили мы с ним и на вокзал, а сам дрожу осиновым листом, пока до Варшавского ехали три раза в трактирах останавливались и по косушке горькой на брата. Извозчик лыка не вязал, а у меня ни в одном глазу, только ноги отказывают, будто к земле прирастают и пудовыми становятся. Приехали, а у меня в голове: «Вот нынче велят открыть, так и откроется все». Дрожь взяла, руки трясутся, зуб на зуб не попадает. А там: «Что изволите отправлять?» А я и сказать не знаю что, вот и буркнул: «Меховые вещи». Те, что давно должен был отправить, да заложены они давно. «Вы пишите, – говорит приемщик, а мне чудится, что он напарнику подмигивает, мол беги за городovým, и добавляет, – Вы в квитанции пишите – кому и от кого отправляете». Успокоился малость, и букровку «В» написал от своей фамилии, потом осенило, как же так я ж себя с потрохами выдаю. А в голове вертятся Василий да Владимир, вот и написал. Уже когда выходил после получения накладной, спиной чувствую, что крикнул «Стой». Иду и жду, а вышел на площадь у фонаря остановился, и какая—то тяжесть с души упала, голова прояснилась, словно не со мною это было...

– Лицо опознать невозможно, – говорил доктор с виновато-

тым видом, – преступник постарался, срезал мягкие части, но могу сказать, что женщине около двадцати пяти лет, роста небольшого, русые волосы да, в подмышечной ямке левой руки родинка с копеечную монету. Пожалуй, больше ничего сказать не могу. Позже я опишу ее, кроме лица и дам точный рост, расчлененное тело пересыпано камфорой.

– Как ее на части разделали?

– Здесь могу дополнить, что занимался этим человек, не имеющий знания тела, где топором, где ножом, а где сухожилия перерезал ножницами. Убийца не спешил, затратил на это дело дня два, никак не меньше, заявляю с уверенностью.

– Что ж, сударь, благодарю.

Сам же подошел к одежде убитой, сложенной на соседнем столе, там же стояла и небольшая колода для колки дров. После осмотра он обратился к помощнику:

– Что, господин Жуков, есть соображения?

Тот только сжал губы, не зная, что ответить.

– Ладно, поехали в сыскное, там и обдумаем, чем нам дальше заниматься.

Из допроса мещанина, обвиняемого в убийстве:

– Под вечер пришла она ко мне. С ней всегда душевно было, она ласковая, всегда словечком приголубит, а тут... Наверное час ночи, а может два было. Просил у нее денег. Она никогда не отказывала, лежит в постели и ругает меня

за траты непомерные. Вроде, как жена. Слово за слово, я тоже не промах. Вот и повздорили, она мне по лицу. Я, хоть и выпимши, но головы никогда не терял, а тут... Схватил я что—то с ночного столика, как потом оказалось подсвечник, и им ударил. Попал в висок. Она сердешная даже не пикнула, только глаза закатились и обмякла. Я налил стакан, одним махом и к ней. Держу руку, она теплая. Ну, думаю, как очнется, так крику будет, тогда я пропал. Схватил нож по горлу, а он тупой, не режет. Кое— как перепилил. Посидел с четверть часа, не знаю, что дальше делать. На глаза дровяная колода попалась и сундук. Если вещей не могу выслать, так ее отошлю. Подстелил на пол две простынки, да зря, намokли они сразу. Взял ее за плечи, а как рана открылась, так кровь потекла. Я похолодел, но надо ж что—то делать. Вот беру и ножом до кости режу, а чтобы шума не было, так топором по суставам. Так дня два пил и рубил, рубил и пил. Камфорой пересыпал, провоняла комната, сам, сундук. Хоть пьяный был, а сообразил, что лица все обрезать надо, чтобы опознать ее не смогли. Руки в кровище, а у самого бьется в голове: «Тише надо, тише! Не дай Бог, жильцы услышат». А сам обернуться боюсь, чудится, что позади меня стоит, руки тянет. Вот я в зеркало тайком, что супротив меня, взгляну, никого нет, та и обернусь. Что с белья все метки срезал, так— то не помню...

Иван Дмитриевич откинулся на кресло, закрыв глаза.

В такие минуты Жуков знал, Путилина тревожить нельзя, работает голова, выискивая в темноте розыска чуть заметную тропинку, по которой стоило двигаться, но так, чтобы не расшибить себе и лоб, а самое главное не потеряться среди непролазной темени.

– Что надумал? – начальник сыска смотрел на помощника огоньками глаз, в которых светилась искорка, которая должна осветить дальнейший путь.

– Не знаю, Иван Дмитрич, – сконфузился Михаил, он всегда старался говорить вторым, чтобы не выглядеть, как казалось ему, смешным в глазах Путилина.

– Опять темнишь, – пригрозил пальцем, – ну да ладно. Знаешь, Миша, подметил ли ты, что одежда убитой, особенно ее белье, хотя и кружевное, но больно дешевое. Такое с намеком на роскошь в обычае покупать девицами, занимающимися проституцией, но убийца постарался и все метки срезал. Поэтому стоит тебе проверить: не пропадала ли девица двадцати – двадцати восьми, нет тридцати лет недели две тому. Приметы: роста небольшого с родинкой в копейку под мышкой левой руки и главное имела бы постоянного клиента с фамилией на букву «В» и не проходила за это время докторских проверок.

Жуков с пониманием кивал головою, то и верно. Все женщины, вынужденные заниматься этим ремеслом, стояли в полиции на специальном учете и были обязаны еженедельно проходить медицинские проверки, кроме того их паспор-

та изымались, а вместо них выдавались билеты желтого цвета, чтобы они не выдавали себя за добропорядочных.

– Добавишь ли что?

– Я, Иван Дмитрич, Вас слушаю.

– Хитрец ты, Миша. Сам, небось, для себя дорожку наметил?

– Небольшую.

– Ладно, пойдем далее. А почему не спрашиваешь про клиента с буквой «В»?

– Иван Дмитрич, – Жуков, хотя и старался молчать, но не утерпел, – я думаю в квитанции либо пометка в фамилии, убийца хотел свою написать, да одумался, либо от волнения две одинаковых написал. Так?

– Почти, но мыслишь правильно. Убийца написал разные фамилии, но в одном случае Васильев, во втором Владимиров. Не улавливаешь?

– Никак нет? – потом удивленно проговорил, – обе фамилии от имен, убийца сидит и пишет, сам в волнении, а вдруг сундук вскрыют, и ему не приходит в голову ничего, кроме имен.

– Это так, поэтому я думаю у него тоже фамилия от имени и на букву «В». Впрочем, не хотелось ошибиться.

– Я думаю, когда попавшая проститутка отыщется, тогда и клиентов проверим.

– Тоже верно, – подтвердил Путилин и продолжил, – потом дровяная колода. Про нее ничего не скажешь?

– Она взята из дешевых меблированных комнат, так как дорогие и квартальные используют для топки не дрова, а уголь

– С тобою согласен. Но сколько таких комнат?

– Иван Дмитрич, даже думать не хочется.

– А надо проверять, ведь, он – постоянный клиент, действительно должен жить в дешевых комнатах, это тоже в дальнейшем будет говорить супротив него.

– С чего начинать?

– Я думаю, поначалу искать место жительства убитой. Всех агентов сегодня на розыски, к вечеру жду с докладом. Можешь идти.

– Не успеем, Иван Дмитрич, двести домов.

– Двести тридцать семь, – поправил Путилин помощника, – я тебя не держу.

Из допроса мещанина, обвиняемого в убийстве:

– Вот она в сундуке частями лежит, камфоры сыпал без меры. Туда же колоду дровяную, от греха подальше. В соседнюю комнату оттащил, мыл долго, но отдраил полы до бела, простыни окровавленные спалил в печке. Долго не мог спать, только пью и ем. Аппетит такой проснулся, что страсть. Все, что в доме было, подъел, а выйти боюсь. А вдруг, кто придет? Страх в сердце таился, жег изнутри.

Весь день агенты провели в поисках, не отставал от них

и Жуков, взявший для проверки ту часть, в которой было больше всего домов терпимости и к вечеру его потуги увенчались успехом – то ли пятнадцатом, то ли двадцатом по счету Михаил нашел девицу, соответствующую словесному описанию и с родинкой под мышкой. Ею оказалась Анастасия Кривцова, прибывшая из Новгорода три года тому, но с две недели тому уехавшая к себе и с той поры о ней ничего толком никто не знал. Даже те, которых можно считать близкими приятельницами, недоумевали. Анастасия никогда без предупреждения не уезжала.

Вечером Жуков заявился в кабинет, Путилина не один, а с девицей, которая потупив взор ступила за порог, не зная как поступить: подойти ли ближе или остаться стоять в сторонке, будто не ее привел Михаил для допроса.

– Наталья Свиридова, товарка нашей исчезнувшей девицы, – представил помощник приведенную женщину.

– Будь любезна, пройди поближе, – обратился к ней Иван Дмитриевич, – присаживайся, – указал рукою на стул, – в ногах правды нет.

– Благодарствуем, – на щеках выступили красные пятна и она опустилась на краешек.

– Итак, Наталья, давно ты в столице?

– Третий год.

– И все в одном заведении?

– Так, – кивнула головою и еще больше покраснела.

- С..., – начал Путилин и посмотрел на Михаила.
- Анастасия Кривцова прибыла из Новгорода.
- С Анастасией?
- Мы в один год поступили к мадам, – она замолчала, так и не назвав имени своей «мамочки».
- Хорошо. В каких вы были отношениях?
- Да в каких? – вопросом на вопрос ответила женщина. – Нам делить было нечего, притом обе приехали издалека и держались друг дружки. Ни у нее, ни у меня в Петербурхе родных не было, а жить —то как то надо. Вот и помогали, она мне, я ей.
- Когда в последний раз ты ее видела?
- Две недели тому, она ушла к Николаю на ночь, так с той поры я ее и не видела.
- Кто такой Николай?
- Полюбовник Насти, любила она его, деньги, как зарабатывает, так ему и несет.
- А его когда видела в последний раз?
- Дня через два – три после Настиного отъезда.
- И где?
- Так он же за ее вещами зашел, пьяненький, правда, был. Говорит, Наська домой собралась, просила кое—что забрать.

Из допроса мещанина, обвиняемого в убийстве:

- Когда сундук – то отправил, захожу домой, а у самого

поджилки трясутся. Вдруг она назад пришла, а как зашел. Так смех меня пробрал, откуда ж она возьмется, если в частях в далекие края уехала. Подумал и решил: надо ее пожитки от мадамы забрать, что, мол, налаживаем семейную жизнь, чтобы Настю не искали. Она ведь сирота была, так я ж и решил, чтоб никаких розысков не учиняли. Пришел к мадаме, а она раскричалась, чуть с кулаками на меня не бросается. Настя— то не из последних была. Так вот отдала мне ее вещи. Я сразу в ломбард, не пропадать добру.

– А как фамилия— то Николая?

– Дак Венедиктов

Иван Дмитриевич взглянул на Михаила, запоминай.

– И где он проживает?

– Где—то на Пряжке у него доходный дом, – вспоминала Наталья, – да, да, на Пряжке, там церковь рядом.

– Миша, агентов и мигом туда.

Жуков улыбнулся, показывая, что задание понял.

– Вот что, Наталья, держать больше не смею. Можешь ехать домой.

– Благодарствую, – она поднялась, а краснота с щек так и не исчезла. Совестливые ныне девицы, мелькнуло в голове Путилина. Потом он распорядился принести окровавленные вещи убитой в кабинет.

Из допроса мещанина Венедиктова, совершившего убий-

СТВО:

– Время идет, а мне нет покоя. В каждом закутке чудится, что Настасья моя стоит и рукой манит, а у самой горло раной сияет и кровь толчками так, толчками, словно кто давит, и по груди течет. А кровь такая густая и липкая, что хоть и далеко стою, но чувствую, что мне в рот и нос набирается. Начинаю захлебываться, так и во сне. Приляжешь, задремлешь, а у самого холодный пот по спине струится, словно не она, а я кровью истекаю, и больно горлу становится, его тупой нож туда— сюда, туда— сюда. Вскакиваю с постели, страх бьет. А она глаза закатывает и ко мне, руки тянет, а с них капли большие на пол. Хватаю, что под руку попадется и в трактир, там чарку, другую, а хмель не бреет, вроде бы воду хлещешь. Выйдешь на улицу и от каждого годового шарахаешься. Кажется, что смотрит на тебя и помигивает: «Иди, иди, все равно далеко не уйдешь. Настасья уже поведала о твоём злодействе». Так до следующего трактира, а ночью, чтобы домой не идти, там не выветривался запах камфоры, в дом, к девицам. В одиночестве хуже было, а тут под боком душа живая. И страху меньше, хотя просыпался среди ночи от криков своих же. Одну девицу чуть до смерти не испугал, а у самого сердце ноет и ноет. Извелся до смерти, пришел домой один раз, а там говорят: «Из сыскного спрашивают».

Жуков приехал на пролетке с двумя агентами на Пряжку.

Дом показал городской.

Двухэтажный деревянный с крыльцом и навесом над ступенями. Его сдавал в наем Николай Иванович Венедиктов, тридцати двух лет, мещанин, приобретший дом на деньги от неожиданного наследства, здесь же и поживавший.

– Вот и хозяин, – показал городской на невысокого взламоченного человека с синими от недосыпания мешками под глазами, в пиджаке, покрытом грязными пятнами.

– Вы Венедиктов Николай Иванович? —спросил его Михаил.

– Точно так, Николай Иванович.

– Прошу Вас проехать в сыскное отделение.

Неопрятный человек с облегчением вздохнул.

– Я давно готов, – и всю дорогу промолчал.

Вошли в кабинет, глаза Венедиктова расширились, губы затряслись, весь побелел, словно полотно.

– Не надо, – замахал руками, увидев на столе покрытую коричневыми пятнами одежду убитой, заголосил едва слышно, – не надо. Уберите их, уберите. Я и без того все расскажу. Я – убийца, я – виновный.

Из допроса мещанина Венедиктова, совершившего убийство:

– Когда подошел ко мне такой рыжеватый и сказал: «Проедем в сыскное!» На душе так легко стало, словно Настасья.

наконец меня оставила в покое. Еду, хоть и знаю, каторги не миновать, а сам радуюсь. Нету больше моей мучительницы, нету и вечер тихий, и ветра нет. Сплошная благодать. Будь, что будет. Раз на моем роду написано свершить злодеяние и понести за него кару, то так требует Господь Наш. Ну и, Слава Богу, что пришел конец моим мучениям. даже крестом себя три раза осенил. Вхожу к самому главному начальнику, а там, у стола в голом воде моя Настасья, на ней порезы, где я на части резал, показывает на одежду свою, колоду дровяную, сундук и улыбается. Никуда от меня не денешься, звучит в голове, будто она ко мне обращается. В меня, словно бес вселился, трясет меня и смеется. Страх опять меня охватил, я и делать не знаю что, только свербит: «Все рассказывай, Коля, все. Иначе не видать тебе никогда покоя ни на этом свете, ни на том. Рассказывай». Машу руками, вою во весь голос, а она, Настасья, не отступает. Ждет видать, когда я признаваться начну. А у меня горло перехватило, хочу сказать, а не могу, словно кто воды налил. Мычу, словно помешанный, а еще больше боюсь, как бы она ближе не подошла, кровью меня не залила. Вокруг меня люди стоят, ко мне обращаются, а я не слышу, только ее одной голос мне доступный. Я устал бегать от нее, устал слышать ее голос, который меня попрекает, а иногда булькает, как тогда, когда я ножом по шее. остолбенел я и как закричу, как оказалось потом едва шептал: « не подводите меня к ней! Не подводите!» А сзади меня в спину подталкивают, я упираюсь. «Уне-

сите это! Унесите!» – крика нет, только шепот. « Во всем сознаюсь! Я Настасью жизни лишил, я ее в сундуке отправил! Это я душегубом стал!»

Слепые котята. 1874 год

День выдался душным, с утра нещадно палило солнце и на, до рези в глазах, голубом небе ни единого облачка, а в комнате, казалось, ещё чуточку и в стакане на столе закипит вода.

Иван Дмитриевич поднёс к губам стакан, отхлебнул глоток и, сморщив лицо, словно выпил не воды, а яду, посмотрел на содержимое, но не стал ставить на стол, а вновь поднёс ко рту.

Миша Жуков с досадой смотрел на открытое окно, за которым хоть и жара, но с пробежавшим иногда по улицам прохладным ветерком, наверное, заблудившимся среди зданий и поэтому потерявшим ориентиры.

– Излагай далее, – лениво произнёс Путилин, по его скулящему виду было не понять: спрашивает ради проформы или искренне заинтересован в рассказе.

– Я и говорю, пристав Петергофского участка, – начал было Миша.

– Козьма Иванович Вышинский?

– Да, он, – качнул головой помощник, – так вот он телеграфировал нам в отделение, что за Лиговским вокзалом Балтийской железной дороге во ста саженях от полотна дороги, в лесу, принадлежащем господину Полежаеву, найдены два тела мужеска пола с признаками насильственной смер-

ти. Вы же, Иван Дмитрич, знаете, что после того распоряжения градоначальника, а тем более после стрельнинского дела, губернские начальники, да что губернские, — Жуков цедил сквозь зубы, — уездные стремятся более или менее сложное дело нам подсунуть.

— Миша, — повысил голос Путилин, но раздражения не слышалось.

— Вот именно, что Миша.

— Не отвлекайся, ты говоришь, сразу два убиенных? — Жуков так и не понял, в голосе Ивана Дмитриевича одновременно чувствовались и нотки заинтересованности, и раздражения, и даже в некотором роде скрытой издёвки.

— Два, известие получили вечером, а утром я уже был в Лигово. Убиенные под присмотром полицейских пролежали в лесу до моего приезда, видимо, чтобы их не украли, а может, чтобы не убежали, — попытался съязвить Миша.

В последнее время Путилин занимался бумажными делами, канцелярии градоначальника и Министерства, словно начали соревноваться в посылке сыскному отделению полиции столицы различных циркуляров, приказов и тому подобными ненужными, на взгляд Ивана Дмитриевича, документами, да ко всему прочему и бречное тело начало капризничать, то ноги становятся ватными, нет чтобы просто ватными, так как стрелньёт в одной, так во второй отдаётся. Тогда не только шага не ступить, но и с места встать болезненно.

Вот и приходится даже на такие преступления, как за Лиговским, посылать либо чиновников по поручениями, либо незаменимого помощника Миши, хотя и молодого, но голо-вастого человека двадцати четырёх лет.

– Добрый день! – Жуков без стука, помахивая тростью, вошёл в комнату, которую занимал частный пристав Петергофского участка коллежский асессор Вышинский, в последние месяцы не сколько для солидности помощник Путилина начал носить с собою трость, но главное, что там сокрыт был тонкий стилет, преступники пошли уж больно нервические, сразу же бросаются с кулаками на полицейских, либо того хуже хватаются за ножи.

Низенький с брюшком господин в форменном кителе смотрел в окно, после приветствия незнакомца, обернулся, смерил взглядом вошедшего и тонким фальцетом спросил:

– Чем обязан?

– Помощник начальника сыскной полиции Михаил Силантьевич Жуков, —отрекомендовался прибывший.

– Славненько, ой, как славненько, – улыбнулся коллежский асессор, ощерив рот с темными пятнами отсутствующих некоторых зубов, – а мы заждались. Погода—то не очень способствует нахождению убиенных на жаре, мы уж их прикрыли рогожками, но всё равно. И пока мы вас ждали, так там в лесу всё Лигово с Красным селом перебивало.

– Что ж тогда приступим к делу, – серьёзное лицо Миши ещё более нахмурилось, – и сразу же пройдем на место пре-

ступления.

– Непременно, – пристав водрузил на лысую голову фуражку.

По дороге, которая не заняла много времени, Козьма Иванович рассказал, что тела нашёл лесник господина Полежаева Иван Поливанов, делал обход, «ежели нужен, то доставим на место», добавил он.

– Конечно, хотелось бы побеседовать.

– Устроим, – и пристав жестом подозвал следующего в шагах пяти полицейского, шепнул что—то ему на ухо, и тот, чуть ли не лошадиным галопом, удалился, унося с собою грохотание сапог.

– Что успели узнать? – Поинтересовался Миша.

– Когда пронёсся слух об убиенных. – тяжело вздохнул Вышинский, да, господин Жуков, в наших краях слухи разносятся, как лесной пожар в ветреную погоду, стоит кому—то что—то сказать, так на другом конце села или города об сказанном известно, так вот когда я прибыл на место убийства...

– А разве? – Миша указал рукой в сторону дома, в котором размещался участок.

– Да, от участка рукой подать, да я, – пристав стушевался, был совсем в другом месте, – пожевал ус, – понимаете, служба.

– Я понимаю, – помощник Путилина улыбнулся, – продолжайте.

– Так вот. Когда я прибыл на место преступления, там уже толпился народ, и не это главное, – снова пожевал ус, – среди любопытствующих был Игнатий Горностаев, проживающий недалеко, вот он в одном из убитых признал своего крестника Николая Игнатьева.

– Кто таков этот Горностаев? – Заинтересовано спросил Жуков.

– Отставной унтер—офицер, воевавший ещё в Крымскую кампанию, имеет две медали, имеет хозяйство.

– Так, так.

– Ничего плохого о нём не известно.

– Хорошо, – махнул рукой сыскной агент, мол, итак всё понятно, – продолжайте.

– Больше продолжать нечего, по словам Горностаева Николай проживал на Петроградской стороне с родителями, последний раз отставной унтер—офицер видел его с год назад.

– В общем известно только имя убиенного?

– Так точно, личность и где проживает, то есть проживал, – поправил себя пристав.

– Интересно, – ёрзал в кресле Иван Дмитриевич, – значит к твоему приезду опознан был один из убиенных?

– Оба?

– Удивился Путилин. – А второй когда?

– Так, пока я прибыл в Лигово, пока познакомился с при-

ставом, — начальник сыска взглянул недобрый взглядом на помощника, — да, Иван Дмитриевич, виноват. Должен всех знать служащих в полиции, но времени...

— Миша, Миша, — Путилин погрозил пальцем, — ты должен их знать не только, как их прозывают по батюшке, но и можно ли полагаться всецело на них в расследовании, ты же понимаешь, что не все приставы готовы нам помогать.

— Иван Дмитритч, исправлюсь, — опустил голову Миша.

— Ладно, продолжай.

— А далее...

Место преступления находилось недалеко, в четверть часа или чуть поболее ходьбы. Дорогою шли молча, говорить было не о чем, а бросать слова впустую не хотелось, не то время. Миша всё размышлял — с чего начинать следствие? Имя убитого известно, это уже продвижение вперёд, вот второй неизвестен, так это дело дней, хотя зарекалась свинья в грязи не валяться, да себя и не послушала.

Тела можно было найти по приглушённому гомону небольшой толпы, которая, как любопытное воронье окружает блестящие вещи, так и люди стремятся посмотреть на чужое горе.

— Козьма Иваныч, — приложил руку к околышу фирменной фуражки полицейский, — тут малец один объявился, так сразу и второго убиенного опознал.

Пристав довольно заулыбался, словно говоря, что я же

знал, что так и будет, мы тоже тут не лаптем щи хлебаем.

Миша кивнул головой и произнёс:

– И где опознавший?

Полицейский удивлённо взглянул на Вышинского, спрашивая взглядом, что это за молодой нахал, но Козьма Иванович кивнул, давая понять, что следует отвечать незамедлительно, хотя человек и молодой, но из столичных чиновников.

– Если вам угодно, – на лице полицейского появилась заинтересованная улыбка, – опознавший сейчас же предстанет перед вами?

– Пожалуй, – ответил Жуков, выдерживая секундную паузу, – можно с ним поговорить сейчас, если вы, господин Вышинский, не против?

– Отнюдь, – расплылся в улыбке пристав и добавил строгим голосом, – пригласи.

Через минуту полицейский подошёл с довольно молодым человеком. Которого можно было бы назвать скорее мальчиком.

– Вот опознавший.

– Здравствуйте, – первым произнёс Миша и лицо его засветилось добродушным выражением, словно он всю жизнь только и ждал минуты, чтобы познакомиться с юношей, невольным носителем так нужной для следствия информацией.

– Здравствуйте, – заикаясь, сказал подошедший с поли-

цейским.

– Нам поведали, что вы опознали одного из..., – Жуков замялся, но всё—таки произнёс, – убиенных?

– Да, – тихо выдавил из себя юноша, было видно, что его горло душит, и он отвечает сквозь силы, борясь с собой, чтобы не разрыдаться, но предательские слёзы выступили на глазах и молодой человек смахнул их рукавом.

– Вам трудно говорить?

Юноша тяжело вздохнул:

– Спрашивайте.

– Как тебя зовут?

– Владимир Соловьёв.

– Значит, Владимир, – кивнул с пониманием Жуков, – ты, наверное, учишься?

– Да, я – воспитанник десятого класса Шестой гимназии.

– Это та, что у Чернышова моста?

– Да.

– Где ты проживаешь?

– Пятая рота Измайловского полка, в доме господина Введенского.

– Там видимо, и батюшка служит?

– Именно так, он псаломщик при лейб—гвардии Измайловском полке, – в голосе слышалась скрытая издевка, не иначе, пришло в голову сыскному агенту, сын стесняется отца.

– А в этих краях, как ты оказался?

– Так брат, почитай, третий день домой не приходит, вот батюшке. – лицо юноши перекосилось, – кто—то и сказал, что Василия видели на станции Лигово.

– Часто брат вот так исчезал?

– В первый раз.

– Как ты думаешь, тому есть причина?

– Васька, – засопел Владимир, но потом всхлипнул и отёр обшлагом гимназической куртки нос, – так он, – и умолк, исподлобья смотрел то на пристава, то на молодого щёголя, что задавал вопросы.

– Владимир, – Жуков двумя руками держал трость, – ты своими словами хуже брату не сделаешь, а вот поймать злодеев, что над ним такое учинили, вполне можешь, тем более, – сыскной агент подошёл ближе к юноше и говорил тихим спокойным голосом, – что никто ни присутствующих не заинтересован твоим словам давать огласку, – обернулся к Козьме Ивановичу, – верно я говорю, господин пристав?

– Совершенно с вами согласен, – открыл рот, чтобы ещё что—то добавить, но Миша отвернулся.

– Говори.

– Васька ж старше меня... – и, спохватившись, добавил, – был, вот он в этом году из гимназии ушёл по случаю ее окончания. Решил, что теперь ему всё дозволено, уйдёт от нас жить, поступит на службу.

– Понятно, а с кем он праздновал сие событие?

– Мне говаривал, что с Лексеем Воскресенским.

– С Воскресенским? Они учились вместе?

– Да.

– И кто таков этот Алексей Воскресенский?

Владимир пожал плечами.

– Откуда, где проживает, кто отец с матерью?

– Ах это, – снова вытер рукавом нос, — Алексей – сын нашего протоерея.

– Измайловского?

– Да.

– Его ты сегодня видел?

– Так от него и узнали.

Иван Дмитриевич сделал попытку подняться с места, но не сумел, в правую ногу, словно раскалённый штырь вонзили. Опустился в кресло, не выказывая на лице недовольства, а главное боли.

– Значит, у тебя появилась первая робкая зацепка?

– Появилась, но в то же время меня и озадачила.

– Каким образом?

– То, что трупы были раздеты, наводило на мысль, что убиты с целью грабежа, а вот далее...

Путилинский помощник должным образом занёс интересные его сведения в маленькую книжечку чёрной кожи с потёртыми углами.

– Более не смеем тебя задерживать.

– А Васька? – Глаза под тёмными бровями смотрели испуганно.

– Что Васька? – Не понял пристав.

– Как же с ним?

– Ах это, – почти отмахнулся Вышинский.

– Нет, Владимир, сперва врач осмотрит... твоего брата, напишет соответствующий отчёт, а уж после этого батюшка сможет получить тело в городском анатомическом театре, да, Козьма Иванович?

– Да, да, – пристав обрадовался, что тела увезут в столицу и не надо больше с ними возиться.

– А я? – Удивлённый взгляд Владимира скользил то по Вышинскому, то по путилинскому помощнику.

– Можешь ехать домой, я сегодня, а может завтра заеду. Когда батюшка бывает дома?

– Перед обедом.

– Хорошо, передай ему, что помощник начальника сыскной полиции Жуков намерен с ним встретиться.

– Передам.

– И где тот, кто опознал первым?

– Извольте минутку подождать, – приложил к козырьку фуражки ладонь полицейский и, придерживая левой рукой саблю, чтобы не била по ногам, побежал за вторым невольным свидетелем. Им оказался высокий сутуловатый человек с красным обветренным лицом и выгоревшими бровями.

– Да, ваше благородие, меня зовут Игнатий Горностаев,

бывший унтер—офицер двадцатого пехотного полка армии Его Императорского Величества.

– Давно уволенный со службы?

– Почитай, – Горностаев вздрогнул, словно произнёс что —то непотребное, – извиняюсь, ваше благородие, шашна-дцатый годок пошёл.

– Как здесь оказался?

– Так я, ваше благородие, живу недалече, а тут слух прошёлся, что убитых нашли. Вот любопытство и взяло верх, хотя, вот крест, – и он себя осенил крестным знаменiem, – никогда любопытством не страдал, а тут чёрт попутал, не иначе душа Николая, – он снова перекрестился, – ко мне воззвала.

– Значит, – начал было Жуков, на миг запнулся и продолжил, – и вы опознали в убиенном своего крестника?

– Так точно, в толпе говорили о молодых людях, ну я и упросил, – он кинул украдкой взгляд на полицейского, – хоть краем глаза взглянуть на мёртвых, не иначе, – он перекрестился, – сердце учуяло.

– Как говорится, пути господни неисповедимы, – подыграл унтер—офицеру сыскной агент.

– Верно сказано.

– Скажите, каким был ваш крестник?

– Николай?

– Да, он.

– Не хотел бы я иметь такого сына, день или два тому этот негодяй забрал деньги у матери и отправился в Красное се-

ло пьянствовать с сотоварищи, такими же беспутными, как и он сам.

– Вы можете назвать их имена?

– Ивашка Сумороков, сукин сын, Феоктист Потатуев, слушающий где—то стрелочником, ну и другие, но их не знаю, только видел как—то.

– Сразу такая удача, – Иван Дмитриевич под столом масировал правую ногу, хотел скривиться от боли, но держался из последних сил, – опознаны в первый день убиенные, и сотоварищи стали известны, везение тебе, Миша.

– Я сразу озадачил пристава, – голос Миши прозвучал начальственно, но он тут же смутился, взял себя в руки, – я его попросил проверить, на каком участке дороги служит стрелочником Потатуев.

– Не растерялся, господин Жуков, и господина пристав к делу пристегнул.

– Не всё же ему надзирать за следствием.

– Так.

Будка под номером 41 находилась недалеко от Красного села, где Феоктист Потатуев, малый двадцати лет, второй год служил при железной дороге стрелочником. Работа не пыльная, хотя жалования маловато, но на гулянки с друзьями хватало.

Пристав выделил Мише двух дюжих полицейских, коляс-

ку, в которую были впряжены два нетерпеливых жеребца, произнёс напутствие:

– С Богом! – И сам удалился в участок, считая, что не его это дело, задерживать всякую мелочь.

Не прошло и четверти часа, как остановились у приземистого небольшого здания с потемневшей от времени крышей, было не угадать, каким цветом блистала она ранее. Грязные немытые стёкла, грязь вокруг будки выдавали, что всё обходится здесь без женской руки.

Жуков прыгнул с коляски, размял ноги и тихо сказал сопровождавшим его полицейским:

– Ты – к тому окну, – махнул рукой, ты – к тому.

Сам же направился к двери, в правой руке держал трость, левой начал тихонечко открывать дверь, которая жалобно закрипела, видимо, давненько не смазывали петли.

Не успел сделать и маленькой щёлки, как дверь резко распахнулась и по ту сторону приступка напротив Миши оказался молодой человек с бегающими маленькими глазками, растрёпанными светлыми волосами, дышащий таким перегаром, что хоть спичку зажигаешь, пламя от него загорится. Жуков почувствовал удар в грудь, от которого сыскной агент полетел спиной на землю, а ударивший, не оглядываясь, бросился наутёк. Бежал он не быстро, скорее всего из головы не выветрился хмель и ноги не слушались хозяина.

Миша кошкой обернулся в воздухе и приземлился на ру-

ки, вскочил и припустил догонять беглеца, через десяток саженей он с силой толкнул в спину молодого человека, тот вскинул вверх руки и мешком грохнулся на траву, хотел подняться, но Жуков коленом упёрся в спину, не давая подняться молодому человеку.

– Что бегаем? – Строго спросил путилинский помощник, сзади, грохоча сапогами, подбегали полицейские.

– Вашбродь, живы?

– Что со мной будет? – Огрызнулся Жуков, не ожидавший от стрелочника такой прыти. – Вяжите этого голубчика и в участок.

– Что ж он от тебя, Михал Силантич, зайцем—то сиганул? – Иван Дмитриевич старался отвлечься от боли, да и любопытно было, как Жуков справлялся со следствием.

– Вот это—то меня сразу и насторожило, – с удовольствием рассказывал Жуков, – если человек ни в чём противоправном не замешан, так чего ему так неумело бежать?

– Миша, это я у тебя спросил.

– Иван Дмитрич, так доставили его в участок, а он, видимо, столько принял, что пришлось ушатом холодной воды его в чувства приводить.

– Нет, нет, – замахал руками пристав, – только не в участке, хватит здесь мне сырость разводить.

Приведенный через некоторое время стрелочник после

каждого шага оставлял мокрые следы, да и с волос на лицо текли небольшие ручейки.

– Отвечать готов?

– Готов, – размазывая воду по лицу, сквозь выбитые передние зубы, прошепелявил Потатуев.

– Не буду вола за хвост крутить, – сел напротив задержанного Миша, – некогда. Так вот, голуба моя ненаглядная, ты с Николаем Игнатьевым знаком?

– С Колькой—то, а как же, приятель мой.

– Давно знакомы?

– Не знаю, но давно.

– Что о нём поведать можешь?

– Хороший человек, – пожал плечами стрелочник, – не жадный, душевный.

– Когда его в последний раз видел?

– Так, – в пьяных глазах Феоктиста мелькнул на миг страх и, как заметил Жуков, руки более задрожали, – на днях, – уклончиво ответил стрелочник.

– На днях, это когда?

– А я почём знаю, – хотел откинуться назад Потатуев и едва не упал с табурета, обернулся и обвел глазами камеру, – что я за ним по пятам хожу, что ли?

– Понятно, но я спрашиваю повторно, когда ты видел Игнатьева в последний раз?

– Дак, – провел рукою по лицу, словно вытерал от воды, но было заметно, что хмель из головы улетучился и теперь

исподлобья на Мишу смотрели трезвые наполненные страхом глаза, – почитай в воскресенье.

– Где?

– У меня в будке, – Потатуев глотал воздух большими глотками, словно не мог утолить жажду.

– Значит, в воскресенье. И один он к тебе пришёл?

– Нет, нет, с ним пришёл Иван Сумороков.

– Иван Сумороков? – Переспросил Миша.

– Ага, братан мой двоюродный.

– И когда это было?

– Дак, вечером, часов, может, в шесть, а может, и в семь.

– Что они приходили?

– Дак, пиво принесли, кое—что покрепче, ну и зазвали в лес, – и тут прикусил Феоктист язык, почувствовал, что сболтнул лишнего.

– В лес?

– В лес, – чуть ли не басом произнёс стрелочник.

– А дальше?

У Потатуева поникли плечи, руки зажал между колен.

– Так до которого часа пьянствовали в лесу?

– Часов до десяти.

– Час почему запомнил?

– Дак, ждали Ораниенбаумского поезда.

– Куда далее решили ехать?

– Да не помню я, – огрызнулся Потатуев, – пьян был.

– И не помнишь, что далее было?

Феоктист сверкнул глазами и закрипел зубами.

– Уж лучше бы я в лесу остался.

– Как Игнатъев?

Стрелочник сглотнул скопившуюся слюну и ничего не ответил.

– Так что дальше было.

– Ничего.

– Хочешь я расскажу, – поднялся со стула Миша, – как всё произошло, – Феоктист молчал, – так вот пьянствовали вы, господа хорошие, до десяти часов, как изволил ты заметить, шлялись по лесу, хорошо, что лесника не встретили, иначе всё пошло другим чередом. Бутылки, видимо перебились, – стрелочник метнул колючий взгляд в Мишу, – но мало было выпитого, захотели добавить, а ни денег, ни водки не осталось. Так?

– Так.

– А далее, – Миша остановился, вперив взор в задержанного, что—то прикинул, оглядывая тщедушную фигуру сидящего, – видимо, Иван подставил ногу Игнатьеву, тот споткнулся, Сумороков накинуд ремень на шею и затянул. Не знаю, долго ли такое действо продолжалось, но ты стоял в стороне, так?

– Испужался я, у Ивана глаза стали страшными звериными, испужался я, испужался.

– Потом ты помогал раздевать убитого.

– Да не убитый он был, не убитый, – Феоктист вскочил

с места, — дышать начал, так я остолебенел, а Ванька мне «души, что стоишь», схватил портянку и давай в рот засовывать, словно трубу затыкает, а Колька и отбиваться не мог, силы, видать, покинули, только хрипел да глаза закатил., — Жуков не стал перебивать разговорившегося стрелочника, — когда он затих, мы в деревню Паново пошли, да там в трактире одёжу—то и спустили. Не помню, всё руки дрожали, да голова кругом шла. За Ванькой, как телок на привязи, ходил, куды он, туды и я.

Потатув присел на краешек табурета.

— Как со вторым справились?

— Вторым? — С испугом произнёс стрелочник и плечи опустились ещё ниже. — Я думал, — закусил губу, потом отёр лоб рукавом рубахи, — ежели вам известно и об воров, тем паче верно поведали, как дело было. Скрывать не буду.

— Как я понимаю, что почти не сходя с места Михаил Силантьевич Жуков, сотрудник сыскного отделения столичной полиции, произвёл следствие и задержал по горячим следам злодеев, — сыронизировал Путилин.

— Иван Дмитрич, — серьёзно сказал помощник, — я ж рассказываю не для того, чтобы похвалу получить.

— Ты не обижайся, Миша, это я так, по—стариковски. Что далее?

— Взяли мы водку в трактире с собою и снова в лес, — на-

чал Потатуев, — а за селом встретили какого—то молодца, я его толком не помню, как во сне со мною было. Он спросил, как к уряднику пройти, я уж хотел показать, но Ванька меня опередил. Пошли, говорит, с нами, мы, как раз в том направлении путь держим. Как назло пришли туда, где Кольку задушил братан мой. Не видел я, как дело свершилось, но кричит мне Ванька. Что, говорит, стал столбом, иди сюда, помоги вещички снять. Ну, мне и пришлось, внутри всего крутит, словно гадину какую съел, не помню ничего, что было потом. Где—то ходили, бутылки опустошали, Ванька с узлом под мышкой шёл. Завалились под деревом, до утра и проспали, голова болит, на душе муторно. И сам не припомню, на самом деле Кольку и незнакомца сгубили, или сон такой привиделся. Хочу Ваньку спросить, а язык не поворачивается, к горлу прилипает. Вижу у братана под головой узел, так сердце в пятки провалилось. Загубили мы Кольку. Растолкал я Ваньку и пошли пешком в столицу, не доходя до города, я сказал, что дале не пойду. Ванька кивнул, что мол, делай, как знаешь. Вот я зашёл в трактир, взял штоф и к себе, а что дальше, так вы и сами видели.

— Ваньку—то где взяли?

— Вот с Ванькой казус небольшой вышел, — стушевался Миша, — но ничего его тоже в каталажку отправили.

— Давай, давай, не всё же коту масленица, — Иван Дмитриевич навалился грудью на край стола, — должна быть ложка

дѣттю в твоём повествовании.

– Вам ни о чём не говорит имя Иван Ефимович Сумороков? – В свою очередь и Жуков навалился грудью на стол. Глаза помощника с хитринкой смотрели на Путилина.

– Иван Ефимович Сумороков? Уж не тот ли малец?

– Тот, Иван Дмитрич, тот, – уверил начальника Миша.

Путилин откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

– Ты об этом казусе говорил?

– Именно о нём. Так вот, – продолжил Жуков. С неделю тому один из «добровольных помощников», как в шутку называл заштатных агентов Иван Дмитриевич, сообщил, что через несколько дней сын дьячка Платон Чижигов и два приятеля Березин и Сумороков готовят к совершению покражи со взломом из монашеских келий Свирского подворья, что находятся в районе Московской части. За Платоном установили негласный надзор, но он вёл разгульный образ жизни. Таскался из трактира в трактир и, казалось, и не помышлял ни о каком злоумышлении. – Потатуев не стал скрывать адреса Ваньки Суморокова, я с агентам сразу по адресу, но потом смекнул, что имя больно знакомое. Поэтому и не стал наведываться на квартиру стрелочникова брата, как потом оказалось правильно и сделал. Установил наблюдение, ближе к вечеру появился и Чижигов с Березиным, хотя последнего я не знал, но догадался, что он и есть. Послал Лёву Шдйяхера за подмогой, ведь их трое и притом не робкого десятка, за Ванькой два смертоубийства, не фунт изюму.

– Ну, Миша, уважил, три преступления за один раз раскрыл, – похвалил Иван Дмитриевич помощника.

– Да как раскрыл? – Удручённо сказал Миша, – как телок ходил и сведения собирал и главное не крупницами, а целыми горстями, мельчают душегубы, не могут головой подумать, а за пятак готовы жизни ближнего лишить, чтобы утробу свою водкой залить, как тычутся в жизнь, как слепые котята.

Пропавший чиновник. 1874 год

Маленькая повесть

Третьего дня господин Комаров, секретарь Духовной Консistorии, впрочем как и в прочие дни недели, вышел из дому в осьмом часу утра, откушав горячего со свежими баранками чаю. В левой руке он держал зонт, плывущие по небу низкие тучи, замеченные из окна, не предвещали солнечного дня, а вышедшему не нравилось возвращаться домой или ходить по делам службы во влажном от петербургской сырости сюртуке.

Дворник с крыльца видел, как перед господином Комаровым остановилась пролетка, он опустил грузно на скамью, что—то сказал извозчику, тронув плечо зонтиком. Но так на службе и не появился, как и последующие три дня никто его не видел и не знал, куда мог запропасться секретарь Консistorии, никогда до того дня не позволявший себе не то, чтобы заболеть, но и опоздать.

— Иван Дмитрич, — помощник начальника сыскной полиции Михаил Жуков, прикрыл за собою дверь в кабинет и тихо, словно боясь, что его услышат в коридоре, произнёс, — к Вам солидный господин из Духовной Консistorии.

— Проси, — без интонации и совсем равнодушным голо-

сом произнёс Путилин, отрывая взгляд от бумаги, что держал в руках.

В кабинет степенным шагом вошел уже немолодой мужчина с аккуратно подстриженной с проседью бородой и брюшком, на котором чудом держался больших размеров золотой крест с россыпью дорогих камней. Он остановился, подняв руку для крестного знамения, окинул тяжелым взглядом углы и, не найдя иконы, перекрестился, глядя в пустой угол.

– Добрый день, – произнёс Иван Дмитриевич, поднимаясь с излюбленного кресла.

В ответ на приветствие вошедший только кинул и грузно опустился на стул, который от обиды и изрядного веса посетителя, протяжно скрипнул.

Воцарилась тишина. Каждый из присутствующих ждал, кто нарушит первым затянувшееся молчание.

– Чем могу быть полезен? – первым начал Путилин и опустился в свое кресло, положив руки на край стола.

Священник пригладил бороду, пальцами вытер толстые губы.

– Господин Путилин, наш секретарь господин Комаров в высшей степени порядочный человек, за время службы не было ни единого случая, чтобы его можно было упрекнуть в нерадивости. А третьего дня вышел из дому, взял экипаж и не доехал до места службы.

– По всей видимости, вы затратили некоторые усилия для

розысков господина Комарова?

– А как же? – с обидой в голосе произнёс священник. – У Афанасия Петровича в столице нет родных, он прибыл к нам из Москвы.

– А... – только и успел произнести Иван Дмитриевич.

– Нет, нет, – возразил посетитель, даже не выслушал вопроса, – господин Комаров, хотя и молод, но достаточно умен, чтобы не поступать во вред службе. Он был достаточно строг, проявил себя суровым чиновником, следовавшим духовным канонам и закону совести.

– В чем сие выражалось?

– Афанасий Петрович запретил просителям непосредственно сноситься с чиновниками, стоял за строгие наказания провинившимся чинам духовного ведомства. Я не всегда был с ним согласен, но наш секретарь однако был справедлив и всегда имел свое суждение по разным вопросам.

– Отсюда я могу предположить, что господин Комаров приобрел за время службы не только людей с доброжелательностью, относившихся к нему, но и откровенных врагов.

– В этом, – снова провел рукою по бороде, словно она подсказывала ему, что сказать, – Вы совершенно правы. Невозможно карать одних за нерадивость, не награждая других за трудолюбие и усердие.

– С кем из чинов Афанасий Петрович состоял в дружеских отношениях?

– Я затрудняюсь Вас сказать, – растянул слова священник.

– Я смогу приехать в ваше ведомство для проведения первоначального дознания?

– Несомненно, я понимаю трудности Вашей работы, но я и приехал к Вам, чтобы Вы разобрались в исчезновении нашего секретаря, если таковое состоялось.

– Вы не уверены в его пропаже?

– Извините, но я предпочитаю верить в счастливый исход этой истории.

– Надеюсь, что, – на губах Путилина промелькнула тень улыбки, – это недоразумение. Однако не затруднитесь сообщить мне адрес пропавшего.

– Непременно, – и священник извлек из—под сутаны листов бумаги, который заготовил загодя, и протянул его начальнику сыскной полиции.

– Благодарю, – Иван Дмитриевич взглянул на написанные мелким каллиграфическим почерком строки. – Замечательно. Если не возражаете, я намерен посетить консисторию завтра с утра.

– Пожалуйста, господин Путилин, милости просим, – стул почувствовал свободу и жалобно пискнул, когда посетитель с него поднялся, – однако мы обеспокоены судьбой Афанасия Петровича и нам хотелось бы знать, где он может находиться. – Священник вновь окинул недовольным взглядом кабинет и осенил себя крестным знамением.

– Что ж, Миша, поехали разыскивать пропавшего? – Иван

Дмитриевич взял трость и шляпу.

– Вы думаете, что...

– Нет, любезный господин Жуков, – перебил помощника Путилин, – в данную минуту я не склонен предлагать замысловатые истории столь внезапного исчезновения секретаря консистории. Может всякое приключиться, но по мне посетим поначалу место жительства Афанасия Петровича, а там и видно будет, в каком направлении шаг держать.

– Коляску?

– Не стоит, – произнёс Иван Дмитриевич, надевая шляпу, – он проживал недалеко, пройдемся по улице пешочком, благо солнце нам благоволит.

Через четверть часа стояли у серого четырехэтажного дома с вычурной лепниной и маленькими балкончиками, гнездами, прилипшими к некоторым окнам на фасаде.

Дворник стоял у ворот с метлой в руке и в темном фартуке.

– А как же не знать господина Комарова, – говорил он, подобострастно склонившись перед полицейскими чинами, – очень сурьезный человек, благо, что молод, но всегда к нам с уважением.

– Когда ты видел его в последний раз? – поинтересовался начальник сыска.

– Дак, третьего дня они вышли, взяли извозчичью коляску и укатали.

– Он был один?

– Так точно, – осклабился дворник, – я ж говорю, сурьезный был господин, чтобы в подпитии или к примеру дамы, то ни—ни. Служба у него духовная, от этого он и не позволял себе лишнего.

– К нему кто—нибудь приходил?

– Никак нет, он сам пришел, сам ушел. Нет, не было. Я бы знал.

– Хорошо, на коляске уехал?

– Так точно, тут с утра всегда Василий стоит Афанасия Петровича поджидает, его и вез. Лихач известный.

– И сегодня Василий был?

– Точно так, только больно сетовал, что господина Комарова третий день нет.

– Где можно его разыскать?

– Василия?

– Да.

– Что утром он тут, могу с точностью сказать. А так по городу, – пожал плечами, – это ж его хлеб. Кто ж его знает?

– А номер его?

Дворник назвал нагрудный номер, который висел на правой стороне груди каждого извозчика.

– В то утро третьего дня ничего не происходило?

– Вроде нет, – нахмурился дворник, вспоминая, – Афанасий Петрович вышел из дому, в руке нес зонт. Тогда по небу тучи ползли, казалось, что дождь пойдет. Сел в коляску и Ва-

силий тронул.

– Благодарю, – сказал Путилин, – мне хотелось бы знать, ежели кто будет спрашивать господина Комарова или о нем интересоваться.

– Так точно, – и добавил, – вчера съезжал человек в одеянии священника, расспрашивал об Афанасии Петровиче, к сожалению, я не узнал его имени.

– Тучный, с меня ростом, с окладистой с проседью бородой, крестом с камнями и при разговоре причмокивает.

– Так.

– О нем я знаю.

Только в третьем часу пополудни удалось разыскать Василия, промышлявшего извозом, нередко уезжая в пригороды. Он оказался довольно молодым, с редкими усами и заметной родинкой с полукопеечную монету на щеке. Улыбка не оставляла лица ни на миг, от чего казалось, что доброжелательность так и струится от него.

– Да, господин Путилин, вы совершенно правы, три дня тому, – отвечал Василий, – как и предыдущие три года до этого, я ждал около осьмого часа Афанасия Петровича у дома, где он проживает. Господин Комаров в это утро был не в духе.

– Как ты понял, что он недоволен?

– Обычно, пока ехали, он шутил, а тут хмурый и задумчивый.

– Часто ли господин Комаров бывал в таком состоянии?

– Нет, я видел его таким впервые.

– Что было дальше?

– Доехали быстро, он постукивал зонтом по плечу, что, мол, давай, побыстрее. Возле консистории он сошел. Там Афанасия Петровича кто—то окликнул. В эту минуту моя коляска тронулась, колеса загрохотали по камням, больше ничего не слышал.

– Случаем не видел, кто окликнул?

– Да я вперед смотрел, но что голос был женский, это точно.

– Больше ничего не видел?

– Рад бы помочь, да не знаю чем.

– С господином Комаровым бывал ли кто?

– Нет, я не видел. Он всегда садился ко мне один.

– Хорошо, а голос женский, если услышишь, сможешь признать?

Василий задумался.

– Обещать не могу, но можно и попробовать.

– Как женщина его окликнула?

– Так по имени – отчеству.

– Афанасий Петрович?

– Совершенно верно.

Иван Дмитриевич шел по проспекту, по правую от него руку, глядя под ноги, задумчиво вышагивал помощник.

– Что, Миша, можешь предложить следующим шагом?

– Вот думаю, Иван Дмитрич.

– А не пройтись ли нам к консистории?

– Почему бы и нет.

– Я вот мыслю, что дворники соседних домов могли что —то видеть, да и привратника консистории нельзя оставлять в стороне. А, Миш? – скосил с хитринкой взгляд на Жукова.

– Это так, – произнёс помощник, – но, если судить по словам приходившего к нам господина, то наш исчезнувший просто паинька безгрешный и не похоже, чтобы он в одно мгновение бросился собачонкой за дамой, даже побывав на месте службы.

– Согласен отчасти, ибо верить словам одного человека не всегда разумно, стоит выслушать многих, чтобы получить образ заинтересовавшего тебя человека.

– Трудно возразить.

– Не надо, а вот слова мои воспринимай, как циркуляр, выданный начальником, ибо они подкреплены многолетним опытом. Надеюсь, возражений не последует, – то ли вопрос, то ли утверждение донеслось до Жукова. – Так, – взглянул на извлеченные из жилетного кармана серебряные часы, – время позволяет. Когда еще выпадет час пройтись по Невскому в такую прекрасную погоду?

Трехэтажное здание консистории с колонами и арочными окнами возвышалось серой громадиной и, казалось, с на-

стороженностью взирало на приближающихся чиновников сыскной полиции. У входа прохаживался подтянутый бородатый мужчина, создавалось впечатление, что это не богоугодное заведение, а учебное заведение, выпускающее военных.

– Любезный, – обратился к нему Путилин, мужчина остановился, на лице появилось выражение крайней заинтересованности, – ты здесь служишь один?

– Так точно, – ответил он и добавил, – каждый божий день с утра и до самого вечера.

– Ответь, ты всех знаешь чиновников данного заведения?

– Точно так, уже пятнадцатый годок на этом месте.

– Тогда знаешь господина Комарова?

– Афанасия Петровича, – обрадовался привратник, – почитай со дня поступления к нам на службу.

– Что можешь о нем сказать?

– Извиняюсь, а Вам с какой надобностью? – спросил мужчина. – Не извольте, серчать, – он развел руками, – служба.

– Я – начальник сыскной полиции Путилин Иван Дмитриевич.

– Извините, господин Путилин, но всякие люди ходят.

– Оставь.

– Афанасий Петрович – человек сурьезный, как появился у нас, так порядки поменял. Любит порядок, хоть стог, но справедливости не отнять.

– Как его разыскать?

– Мне не ведомо.

– Что так?

– Господин Комаров на службу приезжал ежедневно к осьми часам, окромя святых праздников. А тут третий день пошел, как его не вижу.

– Может в разъездах?

– Никак нет, господин Путилин, он всегда при нашем заведении. Сколько помню, он ни единого раза не выезжал не то, что в губернии, но и в уезды.

– Когда, говоришь, видел в последний раз?

– Третьего дня, тогда еще с утра непогодилося.

– И ты запомнил?

– А как же, Афанасий Петрович приехал, как обычно на коляске. Его уже который год Василий возит.

– Хорошо, а дальше?

– Вышел он и все.

– Все?

– Нет, прошу прощения, Ваше Благородие, его женщина окликнула. Он к ней подошел, они сели в коляску и поехали. Я еще удивился, что впервые вижу, чтобы Афанасий Петрович не на службу пошел.

– Как выглядела женщина?

– Что в черном платье и с вуалькой это я помню, а больше... Не знаю.

– Господин Комаров был удивлен окриком?

– Я припоминаю, что он был более смущен, чем удивлен.

– На что они сели?

– Коляска с верхом.

– А на месте извозчика кто был?

– Не могу сказать, я больше на даму смотрел.

– Чем она привлекла?

– Я лица не видел сквозь вуальку—то, но мне показалась молодой.

– Как она его окликнула?

– А? – недоуменно произнёс мужчина, явно не понимая вопроса.

– По имени? Фамилии?

– А—а, – протянул спрашиваемый, – Афанасий Петрович, да—да, Так и было. Афанасием Петровичем окликнула.

– Хорошо, а в какую сторону поехали?

– Так к Невскому, – удивился он, – тут только одна дорога.

– А номер жетона извозчика?

– Извиняйте, но не поинтересовался.

– Благодарю, – Иван Дмитриевич поинтересовался об утреннем госте, где можно его разыскать? Привратник указал.

Путилин начал подниматься по лестнице, Миша шел на ступень позади.

На лестничной площадке третьего этажа стоял утренний посетитель и распекал молодого человека.

– Ну ступай, – бросил он недовольным видом юноше, –

чем—нибудь порадуете? — спросил недовольным голосом.

— Увы, — развел руками Путилин, — нет ни хороших и ни плохих новостей.

— Тогда чем могу быть полезным? — священник взялся рукою за крест, висевший на груди.

— Чем занимался в последнее время господин Комаров?

— Затрудняюсь Вам ответить, — пожевал ус утренний гость, — Вам лучше поведает об этом его помощник.

— Если не затруднит моя просьба, не смогли бы Вы нас провести к нему?

— Отчего же, прошу.

Кабинет секретаря консистории господина Комарова находился на втором этаже.

Священник, тяжело дыша, спускался по лестнице. Рукой показал, нам в ту сторону.

Помощник Афанасия Петровича сидел за столом, когда они без стука вошли. Вскочил сконфужено с места.

— Добрый день, господа!

Священник ничего не сказал в ответ, только сверкнул глазами. Иван Дмитриевич сдержанно кивнул на приветствие, один Михаил улыбнулся и произнёс:

— День добрый!

— Чем могу быть, полезен?

— Сам не появлялся, — пропустил мимо ушей слова утренний гость.

– Никак нет, – помощник склонил голову.

– Так, – сказал священник, – Эти господа желали бы с тобою побеседовать, не сочти за труд, – снова блеснул глазами. Было видно, что недолюбливал помощника, возможно и хозяина кабинета. – Если я Вам еще понадобится, Вас ко мне проводит, – кивнул головой в сторону помощника, – он знает, где меня найти. А за сим разрешите удалиться, – и тяжелой поступью покинул кабинет.

– Вы давно помощником у господина Комарова? – Иван Дмитриевич подошел к окну.

– Два года будет.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Три дня тому.

– Три?

– Точно так.

– И где?

– Вы видите, что наши окна выходят на сторону, где вход. Так в то время я стоял у окна и видел, как Афанасий Петрович подъехал на коляске.

– Что было далее?

– Он обернулся, по всей видимости, его окликнула дама в черном платье, что стояла рядом с коляской. Они с минуту поговорили, поднялись в коляску и уехали.

– Вы видели раньше эту даму?

– К сожалению, я ее не признал, тем более ее лицо закрывала шляпка, а сверху лица к сожалению не увидеть. Вы са-

ми можете убедиться, посмотрев вниз.

– В каком тоне был разговор?

– Мне показалось, что Афанасий Петрович был удивлен, но я могу ошибаться, – дополнил помощник секретаря.

– Какими делами занимался в последнее время господин Комаров?

– Так сразу не могу сказать, просителей было много, но можно посмотреть в журнале посещений. Там отмечены все.

– А мог кто—нибудь посетить Афанасия Петровича, минуя журнал?

– Никак невозможно, я всегда нахожусь в этой комнате, а господин Комаров был на этот счет строг и без моего доклада не принял бы никого.

– Что ж посмотрим журнал?

– Одну минуту, – помощник секретаря консистории склонился над столом и вытащил из—под стопки большую книгу в черном переплете, – прошу, – он открыл и пояснил, – здесь фамилия посетителя, здесь с какой целью он обращается в наше заведение, здесь время пребывания посетителя у Афанасия Петровича, здесь, – показал пальцем, – ответ на прошение.

– А почему в некоторых строках пусто?

– Так не всегда посетитель выказывал цель прихода мне, я ж только помощник, а об истинной причине визита знал только господин Комаров.

– Хорошо, а чем занимался Афанасий Петрович?

– Ранее просители непосредственно сносились с чиновниками нашего богоугодного заведения, он запретил. Уж очень был строг, ратовал и в конечном итоге добился строгого наказания для провинившихся чинов духовного ведомства.

– А кроме указанного?

– Хоть Афанасий Петрович и молод, но был ярым противником бракоразводных дел, в особенности богатых и знатных людей. Без жалости увольнял чиновников консистории, которые по его мнению были нерадивы.

– Мог ли кто затаить на него обиду?

– Несомненно, – резко ответил помощник, – ведь люди всякие, некоторые приходили с угрозами, но господин Комаров был в решениях тверд и от слов не отступал.

– А из последних?

– Мне не упомянуть.

– Хорошо, а можете подготовить бумагу, каким разводным делам не давал ходу секретарь и кто из чиновников был уволен по настоянию Афанасия Петровича.

– Будет сделано.

– Завтра поутру, господин Жуков, – Иван Дмитриевич указал рукой на помощника, – заедет к Вам.

– С кем был дружен господин Комаров?

– Не имел чести знать.

– О ком – нибудь он рассказывал?

– Увы, мой начальник был немного замкнут.

– Почему «был»?

– Не знаю, – стушевался помощник секретаря, явно что —то утаивая.

– Так отчего же?

– Я подумал, – начал он говорить, пряча глаза, – что раз Вы занимаетесь этим делом, то можно предположить самое худшее.

– К чьему—то счастью или..., – Иван Дмитриевич выдержал паузу, смотря в лицо помощнику Афанасия Петровича, – к чьему—то сожалению нам пока ничего не ведомо о судьбе Вашего начальника. Так Вы о знакомцах, родственниках господина Комарова не знаете.

– Совершенно верно, – помощника секретаря оставило волнение.

– Что ж, благодарю за беседу, – Путилин переложил трость из руки в руку, – утром Вас навестит господин Жуков.

– Буду ждать, и не сомневайтесь – бумага будет готова.

– Разрешите откланяться, – Иван Дмитриевич церемонно наклонил голову в знак прощания и направился к выходу.

Только выйдя на улицу и, надев шляпу, обернулся к Михаилу.

– И как тебе данное богоугодное заведение?

– Не примите за кощунство, – помощник посмотрел на окна здания консистории, – но мне кажется змеиное гнездо.

– Нет, это не святотатство, а истинная правда.

– Где ж нам теперь искать пропавшего секретаря?

– Пока не знаю, – тяжело вздохнул начальник сыска, – только одна ниточка – женщина в черном, но и она подобие призрака, вроде бы существует, но кто никто не знает. Хотя в списке, что завтра получишь, она может быть в качестве обиженной жены, требующей развода.

– Вы думаете, исчезновение связано с бракоразводными делами?

– Я не утверждаю, но и не исключаю такой возможности.

– Тогда как же обиженные чиновники, лишившиеся службы по вине ретивого секретаря?

– Миша, и такая возможность не исключена. Сейчас мы бродим в потемках, если честно сказать, то пока не вижу светлого пятнышка в непроницаемой мгле розыска.

– Вам, Иван Дмитрич, не показалось, что помощник Афанасия Петровича что—то скрывает?

– Не показалось, а я уверен в этом.

– Но почему? – Михаил не успел окончить вопроса, будучи перебит словами Путилина.

– Пока рано. – Потом добавил, – а правду все равно поведает. Шила в мешке не утаишь.

– Не было бы поздно?

– Три дня срок, но будем надеяться на благополучный исход наших розысков.

– Иван Дмитрич, у меня складывается впечатление, что пропавший идет впереди, а мы его догоняем, но шаг слиш-

ком мелок.

– Верно подметил, идем по следу.

Утром помощник секретаря консистории сидел на своем месте, усталым взглядом взирая на дверь. При каждом входящем посетителе он приподнимался со стула и вежливым с извиняющимися нотками голосом произносил, что господин Комаров отсутствует и будет через несколько дней. На вопрос: когда? Следовало пожатие плечами, мол, сие мне не ведомо, у секретаря много важных дел.

Михаил застал помощника, поднимающимся из—за стола и обрадовавшимся хотя бы одному знакомому лицу.

– Здравствуйте, господин Жуков. У меня для Вас бумага готова с вечера, – он протянул два листа серой бумаги, – в первом посетители, во втором уволенные Афанасием Петровичем чиновники.

– Благодарю, – Михаил взял протянутые листы, исписанные мелким почерком.

Полуночи Иван Дмитриевич вскочил, словно сыграл сигнал тревоги. После недолгого умывания выскочил на улицу, даже не выпив утреннего чая, и на пролетке отправился на квартиру исчезнувшего чиновника.

– Любезный, – обратился к дворнику, – где мне найти хозяина?

– Иван Егорыч проживают в третьем этаже, – ответил тот,

не удивляясь вопросу начальника сыска. Надо, значит, необходимость есть.

– Проводи меня к нему.

– С превеликим удовольствием.

Хозяин принял в комнате в халате и домашних тапочках.

– Чем могу быть полезен?

– Иван Егорович, – обратился к нему Путилин, – я – начальник сыскной полиции – занимаюсь щекотливым делом.

– Я Вас внимательно слушаю.

– Вы, наверное, уже наслышаны об исчезновении вашего жильца господина Комарова?

– Да, да, до меня доходили вести.

– Так вот четыре дня тому поутру Афанасий Петрович вышел из дома и с тех пор его не видели ни на службе, ни дома.

– Печально.

– Я занимаюсь розысками господина Комарова и пока о несчастье говорить рано, но я к Вам с не совсем законною просьбою.

– Слушаю и буду рад, если смогу чем—нибудь помочь в этом деле.

– С Вашего позволения мне хотелось бы произвести осмотр квартиры исчезнувшего.

– Ну я думаю, – произнёс Иван Егорович, – что это пойдет во благо розыскам и Вы ничего не будете трогать?

– Боже упаси, – приложил руку к груди Путилин, – мне

просто необходимо посмотреть, как проживал Афанасий Петрович? Ведь по отзывам он был чрезвычайно замкнутым человеком.

– Да, мне дворник говорил, что не видел ни разу, чтобы к господину Комарову приходили приятели, родные или, – он подмигнул Ивану Дмитриевичу и шепотом произнёс, – дамы.

– Это так, – подтвердил начальник сыска, – Иван Егорович, не сочтете за труд сопроводить меня?

– Я только оденусь.

Дважды щелкнул замок, дворник потянул за массивную бронзовую ручку и дверь с легким скрипом распахнулась.

– Прошу Вас, – хозяин показал рукой, – будьте первым.

– Благодарю, – Иван Дмитриевич ступил в широкий коридор с большим зеркалом на стене.

Квартира оказалось небольшой, состоящей из спальни, гостиной и кабинета. Везде царил порядок и ни пылинки на мебели.

– Иван Егорович, – обратился Путилин к владельцу дома, – а кто убирается в комнатах и готовит господину Комарову.

Иван Егорович кивнул дворнику, мол, отвечай, тот прокашлялся:

– Так Варвара из соседнего дома, она и ключ имеет. Я за ней схожу? – то ли вопрос, то ли просьба.

– Ступай, – начальник сыска осмотрел спальню. Ничего примечательного: широкая кровать под прозрачным пологом, стул, столик, на нем лампа, книга с закладкой, стакан и наполненный водой графин. Иван Дмитриевич взял в руки книгу, оказавшуюся романом господина Диккенса, но интерес вызвала не она, а письмо, служившее закладкой.

«Жестокость порождает только жестокость, господин Комаров, Вам же не знакомо само понятие милосердия. Бог Вам судья, Он накажет Вас за перенесенные нами несчастья, к которым Вы приложили свою руку.»

– Иван Егорович, – Путилин обернулся к хозяину, – Вы не будете возражать, если я возьму с собою это письмо?

– Ради Бога, – ответил тот и добавил, – я надеюсь, оно поможет в розысках несчастного Афанасия Петровича.

– Не могу сказать утвердительно, но свою лепту, надеюсь, внесет.

В кабинете посредине стоял дубовый стол с чернильным прибором на одном углу и на втором стопкой чистой бумаги. В углу стояло бюро со множеством ящичков. Вдоль стен до самых потолков возвышались шкафы, на которых стройными рядами выстроились выпуклыми корешками книги.

Иван Дмитриевич вопросительно посмотрел на владельца дома, тот пожал плечами и подошел к окну, обозревая из него улицу.

Раздалось негромкое покашливание, вернулся дворник.

– Ваше Благородие, – обратился к начальнику сыска, – вот

Варвара, — он несильно подтолкнул в спину девушку лет двадцати пяти, зардевшуюся от неожиданного внимания.

— Хорошо, — произнёс Путилин, — а теперь ступай, голубчик. Если понадобится, я тебя найду. — Потом повернул голову к владельцу дома, — Иван Егорович, не будет Вам затруднительно оставить нас с Варварой на несколько минут.

— Не беспокойтесь, — он поднял две руки, мол, господин Путилин, понимаю, что девушка будет более откровенна с Вами наедине, — и осторожно прикрыл за собою дверь.

— Так, значит, тебя зовут Варварой?

— Да, — едва промолвила она, еще больше выступили на щеках пунцовые пятна.

— Садись, — Иван Дмитриевич указал на один из стульев, стоявших у рабочего стола, — как говорит народная мудрость, в ногах правды нет.

— Благодарствую, но мне сподручнее стоять.

— Может быть, — сам Путилин присел на хозяйский стул, — но разговор наш не радостный, так что присаживайся.

Поправив юбку, Варвара присела.

— Скажи, когда Афанасия Петровича видела в последний раз?

— Так в день пропажи, — краска так и не сходила с лица, которое она не смела поднять от смущения, сцепила пальцы рук так, что побелели костяшки, выдавая признаки волнения.

— К Афанасию Петровичу приходили гости?

– Я не видала.

– Хорошо, к нему кто—нибудь приходил?

Она пожала плечами.

– Каким человеком был господин Комаров?

– Не знаю, – ее глаза были устремлены в пол, – что Вы хотите знать?

– В каких ты была с ним отношениях?

– Вы уже знаете? – она впервые взглянула удивленным взором в глаза Путилину.

– Нет, но догадываюсь.

– Он боялся огласки наших отношений, ведь он чиновник богоугодного заведения и сам требовал наказаний для провинившихся, а здесь, – она умолкла.

– Я понимаю, но мне хотелось бы знать правду, иначе мне трудно заниматься розысками Афанасия Петровича.

– Афанасий – хороший человек, ласковый, никогда не был со мною груб, ни разу не повысил на меня голос. Только мы стояли на разных ступеньках, он был образованнее и умнее меня, а я... – она отвернулась и смахнула со щеки слезу, – найдите его, прошу Вас, найдите.

– Постараюсь, но помощи мне. Когда ты видела Афанасия Петровича?

– Я была в ту ночь у него.

– А утром?

– Он, как обычно, выпил чаю и пошел на службу.

– Никто не приходил в его отсутствие?

– Нет, я занимаюсь уборкой и готовлю ужин к его приходу.

– Не мог кто—то тайно побывать здесь?

– Я бы заметила. Афанасий аккуратный человек и все разложено по своим местам, мне приходится только вытирать пыль и заниматься стиркой грязных вещей.

– Хорошо, – пальцами потеревил волосы на виске, – он рассказывал что—нибудь о родственниках, знакомых?

– К сожалению, ему не нравилось вспоминать о родных и меня сложилось впечатление, что он лишился отца и матери в детстве, воспитывался в чужой семье.

– От чего складывалось такое впечатление?

– Так у него всегда тускнел взгляд, и он старался уйти от вопросов о детстве.

– Ты знаешь, где он хранил документы, письма?

– Вот в этом бюро, – она указала на стоящий в углу предмет мебели, ключ всегда носил с собою на цепочке.

– Я тебя больше не держу.

Варвара поднялась и пошла к выходу, остановилась, словно хотела что—то сказать, но передумала и двинулась дальше.

– Я надеюсь, что сия девица смогла пролить хотя бы толику света на исчезновение Афанасия Петровича? – спросил Иван Егорович, войдя в кабинет после ухода Варвары.

– Да как Вам сказать, – произнёс начальник сыска, – не то, чтобы дело стало яснее, но и тумана не прибавилось, – он

поднялся со стула и остановился у бюро, вопросительно посмотрел на владельца дома, то понял взгляд Путилина и повернулся к нему спиною.

— Мне не хотелось терять такого постояльца, — хозяин делал вид, что смотрит в окно, а сам украдкой косил глазом на сыскного начальника, доставшего из кармана связку то ли ключей, то ли каких—то железных загогулин. Одно движение и первый ящик открыт.

— Трудно сказать, — Иван Дмитриевич перебирал бумаги, — но я все— таки надеюсь на счастливый исход данного дела.

Писем было немного и большинство не с лестными словами в адрес секретаря консистории, препятствующего бракоразводным делам. Два письма были от бывших священнослужителей, лишившихся сана по требованию господина Комарова. И ни одной бумаги касательно родных.

Третий ящик удивил и внес некоторое замешательство в голову начальника сыска: там лежали два паспорта на разные фамилии, но что интересно с одним и тем же местом рождения — город Нижнеудинск Иркутской губернии. Иван Дмитриевич просто застыл мраморной статуей, мыслей не было, только напряженный взгляд остановился на паспортах. Там же лежала пачка банковских билетов в крупных купюрах.

Остальные ящики больше ничем не смогли удивить, как и все остальное в кабинете.

Гостиная оправдывала свое название, в ней не было ни-

чего лишнего, ни одной вещи, которая бросалась бы в глаза своей несуразностью и которая была бы здесь лишней.

– Прошу прощения, – Путилин обратился к владельцу дома, – за то, что Вас задержал, но хочется докопаться до истины.

– Я понимаю, поэтому рад помочь.

– Разрешите откланяться, – наклонил голову, – служба.

– Да, да, если еще чем—нибудь могу помочь, то милости прошу. Мои двери всегда для Вас открыты.

– Благодарю, при случае непременно воспользуюсь Вашим приглашением и Вас милости прошу по надобности.

Жуков со списками в руках томился в ожидании прихода начальника, то и дело пробегая глазами по маленьким буковкам написанным каллиграфическим почерком.

– Доброе утро, Иван Дмитрич, – произнёс Миша, указывая не листы бумаги, – а я рассматриваю полученные списки и ничего толком не могу придумать.

Путилин вместо приветствия кивнул и указал: заходи. В кабинете присел за стол, откинувшись на спинку кресла, потом достал из кармана забранное на квартире Комарова и протянул помощнику, тот взял.

– Паспорта? – удивленно сказал он.

– Да, паспорта, – устало сказал Иван Дмитриевич, – спроси—ка лучше, где я, старый дурак, их взял?

– И где? – Михаил стал как будто меньше, вчитываясь

в написанное.

– Вчерашним днем я опрашивал дворника у дома исчезнувшего и не соизволил побывать на квартире, побежал по следу и упустил – сетовал Путилин, – допустить такую непростительную оплошность. Заниматься розысками и... – он махнул рукой и прикрыл ею свое лицо, словно стыдясь непростительного деяния.

Потом сбросил с себя маску страдальца.

– Что со списком помощника секретаря?

– Он составил две бумаги – уволенные чиновники, – он положил перед Путилиным первый список, в котором было десятка три фамилий, – а это, – он поверх первого положил второй, – бракоразводные дела, которые он задерживал.

– Ты прочел паспорта?

– Да.

– Ничего не примечаешь в них?

– Однако из далеких краев прибыли господа.

– Или один с чужими документами?

– С этим невозможно не согласится. Думаю, что трудно будет проверить.

– Трудно или нет. Ты этим займись без промедления. Мне кажется, там начинается история пропажи. Нашему пропавшему тридцать четыре года. Отправь депешу канцелярию иркутского обер—полицмейстера: не было ли у них лет пятнадцать—двадцать громких дел в губернии.

– Займусь

– Потом проверь по духовному ведомству: откуда взялся сей господин, где получил образование, где и на каких должностях пребывал до занятия столь высокого места, ведь не шутка, таким назначением ведаёт Святейший Синод. Ведь канцелярия консистории состоит под начальством секретаря, который, заведя всеми столами, фактически пользуется большим влиянием, чем каждый член присутствия в отдельности.

– Верно, Иван Дмитрич, этому способствует и то, что секретарь утверждается в должности по предложению оберпрокурора.

– Правильно мыслишь, господин Жуков, – на лице начальника сыскной полиции появилась улыбка. – Тогда за дело, а я пока помыслию над принесенными тобой списками.

О непростительной оплошности больше не вспоминалось, Иван Дмитриевич ещё будучи младшим помощником квартального надзирателя на Толкучем рынке для себя решил, что ошибки неизбежны в любом деле и казнить из-за них – терять нить расследования и совершать новые, которые в конечном итоге могут привести к непоправимому. Путилин с интересом просматривал список бракоразводных дел, ему казалось, что там сокрыта тайна пропажи. Уволенные его интересовали в меньшей степени, среди чиновников духовного ведомства, конечно же, как и вовсе заведений империи, встречались недостойные люди, но чтобы они

сподобились на совершение преступления и с таким хладнокровием, было сомнительно.

Иван Дмитриевич карандашом подчеркнул две заинтересовавшие его фамилии. в одном из бракоразводных процессов участвовала дама из Иркутской губернии, вторая можно сказать привлекла внимание по наитию. Начальник сыска еще раз осмотрел паспорта, оказавшиеся по всем приметам подлинными. Смущало место рождения и некоторые обстоятельства: ежели господин Комаров не тот человек, за которого он себя выдает, то отчего же он не прихватил с собою столь важные документы? И деньги? При начале новой жизни они столь необходимы? Не будешь же обустраиваться на новом месте с фамилией, которая известна полиции? И деньги? Может быть у пропавшего секретаря была вторая квартира? Но все твердят, что он ежедневно отправлялся на службу из той, что я посетил? Одни загадки.

Иван Дмитриевич не стал вызывать дежурного чиновника, а сам спустился на первый этаж и там дал поручение проверить отмеченных в списке. Потом вернулся к себе, чай показался безвкусным. Так было всегда, когда хотелось быстрого результата, который в конечном итоге приходилось выискивать среди множества ненужного хлама.

Что—то не давало покоя, но что? Вроде бы кирпичик к кирпичику, а не вкривь стена возводится и приходится ее рушить, чтобы вернуться заново к исходному состоянию. Душило неприятное чувство ожидания, когда не к чему при-

ложить силы. Дело не движется из—за отсутствия сведений и это тяготило, словно тяжелый груз был привязан к ногам и он не способствовал приятности при каждом шаге.

Михаил ворвался в кабинет, как всегда, без стука и приглашения, но забыв о приличиях и субординации.

— Иван Дмитрич, — шлепнулся на стул и, словно не замечая укоризненного взгляда начальника, продолжил тираду, — депеши иркутскому обер—полицмейстеру отправлены, а вот, — он протянул Путилину лист бумаги, — это послужной список нашего пропавшего.

Начальник сыска с интересом читал поданную бумагу, сощутив при этом глаза. Потом отложил в сторону.

— Согласно этого документа, — он потряс послужным списком, — нашего несчастного секретаря в пору делать если не святым, то по крайней мере праведным и лик писать с него можно.

— И я об этом, — на лице Михаила появилась, непонятно что выражающая, гримаса, — не вяжется духовность с преступлением.

— Это как посмотреть.

— Тоже верно, паспорта и деньги найдены у нашего святоши. Не чисто тут, ох как не чисто.

— Не забегай вперед, — пальцами Иван Дмитриевич выбивал на крышке стола дробь, — подождем ответов, тем более, что по принесенным тобой спискам я приказал учинить про-

верку.

– Мне не дает покоя дама, что увезла секретаря. Он ее испугался?

– Не исключено.

– Тогда вышеуказанная дама знала о нем что—то нелицеприятное?

Путилин неопределенно пожал плечами.

– Может быть наш праведник не так чист?

– Я же сказал, не исключено, – Иван Дмитриевич произнёс последнее слово по слогам, словно в начальной школе.

– Тогда позвольте спросить, как он мог попасть на столь высокий пост в духовном ведомстве?

– Пока тайна за семью печатями.

– Не верится, чтобы так небрежно в духовном ведомстве отнеслись к его назначению.

– Мы же не ведаем о его покровителях.

– Но не обер—покурор же? И не Святейший Синод?

– А почему бы и нет. Все может быть в наше время, все. Вот видишь, – указал пальцем на бумагу, – согласно послужного списка наш разыскиваемый получил высшее академическое образование. Побывал на Святой земле в духовной миссии и при Синоде получил специальную подготовку к должности секретаря.

– Но неужто никто не распознал в нем самозванца?

– Не гадай, Миша. Мы должны следовать только узнанному, иначе воображение приведет нас не к тому дому.

– Вы —то что мыслите по поводу любезного господина Комарова?

– Не знаю, – искренне признался Иван Дмитриевич, – разум говорит – преступник, а червь гложет изнутри, говоря: да не может такого быть.

– А я склонен к мысли о самозванце.

– Вот, вот, ступай, проверь—ка лучше, не пришли ли телеграммы из Иркутска.

– Иван Дмитрич, я думаю рановато, наверное, придут в лучшем случае завтрашним днем.

– Да, Миша, – посетовал Путилин, – нет худшего состояния, чем ожидание.

В третьем часу пополудни доставили циркуляры из департамента санкт— петербургского обер—полицмейстера, в числе прочих и о пропавшем секретаре, сам Государь высказывал обеспокоенность о принятии надлежащих мер к розыску чиновника Духовной Консистории, высказывая нелюбезные слова о порядке в столице, если лица такого ранга бесследно пропадают.

Путилин ладонью потер шею в предчувствии взысканий за нерадивость, хотя меры приняты и делается все, чтобы данное дело завершить надлежащим образом. Полетят головы, если подтвердится, что Афанасий Петрович Комаров, уроженец Иркутской губернии, на самом деле является самозванцем с несколькими паспортами.

Иван Дмитриевич нахмурился, радости принесенные бумаги не добавляли, да и, честно сказать, отбивали всякое желание к дальнейшему продолжению поисков несчастного. Складывалось впечатление, что только в департаменте заняты важными делами, составлением различных инструкций, циркуляров, поучений и отсылкой их, как буд—то остальные ведомства только и ждут указаний. Раздражение охватывало в минуты понимания, которое становилось противу мыслей.

– Прибыл курьер из адресной, – произнёс, входя в кабинет, Михаил, – со сведениями об интересующих персонах.

– Давай, давай, – Иван Дмитриевич потер руки в предчувствии новой ниточки. Прочел, отложил на стол, снова прочел. Потом резко поднялся так, что едва не повалилось на спинку кресло. Подошел к окну и, там переваливаясь с носка на пятку, простоял некоторое время, обернулся, сверкнув глазами, и прошептал.

– Поехали.

Только в извозчичьей коляске, повернув лицо к помощнику, тихо сказал.

– Неужели Иркутск.

– Что? – непонимающе спросил Миша.

– Ниточки сего дела произрастают в тех краях.

– Куда мы путь держим?

– Нанесем визит одной даме, – далее добавил, – Елизавете

Петровне Крамер.

– Петровне? – спросил Жуков. – Наш пропавший Петрович, дама Петровна. Уж не родственники они.

– Не думаю.

– Было бы любопытно, приехать и узнать, что госпожа Крамер – родная сестра Афанасия Петровича.

– Ты, наверное, позабыл, наш секретарь был единственным ребенком в семье.

– Нет, данное обстоятельство я помню.

– В таком случае не топчи новой дорожки.

– Иван Дмитрич, согласитесь, что заманчиво. Брат препятствует бракоразводному делу сестры, а она при... – Михаил уловил укоризненный взгляд начальника и оборвал свою тираду на полуслове.

Остаток пути провели в молчании. Каждый размышлял о своем: Иван Дмитриевич о превратностях судьбы. Как в одночасье может повернуться колесо, превращая человека из добропорядочного человека в преступника, а Жуков размышлял о кровавой драме, участники которой брат и сестра, с детства питающие друг к другу тайную ненависть, как в недавно прочитанном романе, переведенном с французского языка.

– Любезный, – сказал, снимая шляпу Путилин, – доложи Елизавете Петровне, что просят встречи Иван Дмитриевич Путилин с помощником, – и он протянул визитную карточ-

ку, черкнув на ней несколько слов.

— Одну минуту—с, — произнёс подтянутый слуга в отутюженной одежде, наклонил голову и удалился выполнять поручение пришедших.

Через несколько минут он вернулся и торжественно объявил.

— Елизавета Петровна ждет Вас.

Оставив трость и шляпу, Путилин начал подниматься по лестнице, покрытой темно—красным ковром.

— Прошу, — сопровождавший гостей слуга, распахнул двери.

В кресле с прямой спинкой не сидела, а восседала, словно царствующая особа на троне, еще молодая женщина со светлыми собранными в пышную прическу волосами. В руках она держала книгу, которую при приближении посетителей отложила на стоящий рядом столик.

После ответа на приветствие, она произнесла низким, но приятным голосом.

— Что Вас, господин Путилин, привело в мой дом?

— Некие обстоятельства службы.

— Вот уж никогда не думала, что придется принимать чиновников из сыскной полиции, — она взяла со стола и посмотрела на визитную карточку Ивана Дмитриевича, — тем более начальника.

— Увы, приходится тревожить для уточнения некоторых аспектов жизни.

– И каких? – брови в удивлении поползли вверх, придавая лицу смешливый вид.

– Разрешите, – Путилин указал рукою на стул.

– Да, да, господа, прошу присаживайтесь, – и добавила, – мне кажется наш разговор способен затянуться?

– Все зависит от Вашей, Елизавета Петровна, откровенности.

– Даже так?

– Служба, – Иван Дмитриевич смотрел на женщину удрученным взглядом.

– Я слушаю, но не могу понять, чем могу быть Вам полезна?

– Если не ошибаюсь, Вы приехали в столицу из иркутской губернии?

– Вы правы, я долгое время жила в Нижнеудинске и Иркутске.

– Вам не знаком некий Комаров Афанасий Петрович?

– А как же? Ведь я обязана этому господину тем, что мое бракоразводное дело отложено под сукно.

– Ранее Вы не были с ним знакомы ранее?

– Увы, впервые я господина Комарова, – она произнесла фамилию с долей неприязни, – увидела в Духовной Консistorии.

– Как Вы опишите Афанасия Петровича?

– Отвратительный человек с амбициями Наполеона, мне показалось, что он возомнил себя вершителем судеб либо

свое недовольство выражал на других, зависимых от его решения.

– Но он же поставлен самим обер—прокурором на страже сохранения семейных уз?

– Извольте, господа, но жизнь не стоит на месте, и некоторые обстоятельства требуют расторжения этих уз. Ничто не вечно.

– Совершенно, согласен, так Вы говорите, что не встречали господина Комарова в Иркутске? – Путилин повторил вопрос.

– Увы, нет.

– Почему он не давал ходу Вашему делу?

– Вы же сами сказали ранее, сохранением семейных уз, хотя отношения между мной и мужей чисто формальные. Он живет своей жизнью, я своей и каждый из нас стремится не мешать друг другу излишними вопросами и излишним любопытством.

– Так зачем же окончательно разрывать отношения?

– Господа, у каждого из нас есть свои маленькие тайны.

– Будучи в Иркутске, Вам не приходилось слышать о громких процессах пятнадцати— двадцати летней давности, связанных с фамилией Комарова?

– В ту пору я была еще ребенком и поэтому меня тревожили другие заботы, – Елизавета Петровна улыбнулась.

– Прошу прощения за наше внезапное вторжение, – Иван Дмитриевич поднялся со стула, – разрешите откланяться!

– Пустышка, – уже на улице перед домом произнёс Жуков.

– Может быть, – сказал Путилин, одевая шляпу.

– Вы думаете, она причастна к пропаже?

– Не знаю, – просто ответил Иван Дмитриевич, – может быть обстоятельства вынудили госпожу Крамер пойти на преступление, но возникает вопрос: для какой цели? Данное злодеяние ни на миг не приближало окончание бракоразводного дела.

– Остается только месть, – вставил тираду Михаил.

– Остается месть, – Путилин передразнил помощника, – поменьше читай Габорио с его Лекоком, тогда будешь ближе к земному, иначе больно падать с воображаемых небес.

Жуков насупился от обидных слов. Нравится ему читать, как умные сыскные разыскивают злодеев, но он же понимает, что там один вымысел, но интересно же следить, как развиваются события.

– Не таи обиду, – примирительный тон прозвучал посреди возникшей паузы, – я ж хочу, чтобы ты на шаг видел дальше преступника. Вот ныне ты слышал разговор с Елизаветой Петровной, какие чувства остались после беседы?

– Так я бы сказал, что понапраслину на нее возводят, не способна милая женщина на злодеяния.

– Ты позабыл Лукерью Егорову, когда ее же сестра убивалась по усопшей, а сама.... – Иван Дмитриевич хитро посмотрел на помощника.

– Ну то тогда, бабы из деревни, – отмахнулся Михаил, – а здесь дама из образованных и с такими невинными глазами, хоть Мадонну рисуй.

– Вот когда— нибудь такие прелестные глаза тебя и погубят, – предрек начальник.

Саженой с полста шли молча, погруженные в свое.

Михаил за неимением новых путей в розысках, витал в облаках. Вспоминая, как в подобных случаях поступали герои романов. Они всегда находили едва заметные следы, а в данном деле: секретарь то ли жулик, то ли честный человек. Нашли бы тело – одни мысли терзали голову, можно было искать того, кто свершил злодейство, а живого нашли и невредимого – другое дело, сам бы поведал о злключениях. Так нет, что делать дальше? Одни вопросы, да и те без полных ответов.

Иван же Дмитриевич при каждом шаге стучал тростью о булыжную мостовую, сам того не слыша. В голове роились мысли, но каждая не приходила до конца, а так отрывки. Да, секретарь исчез. Следов после себя не оставил, словно сел в извозничью коляску и в небо унесло несчастного. Небо, небо, это мысль, пронеслось в голове, паспорта, деньги, двойная жизнь. Получается, как в пошлой пьеске, когда автор не знает, чем ее окончить. А вдруг так и есть?

– Иван Дмитрич, – перебил размышления Михаил, – будем наносить визит по второму адресу.

– Непременно, – сказал Путилин, не вдумываясь в слова

помощника, – непременно нанесем визит, непременно.

– Когда?

– Что? – спросил начальник сыска, словно очнувшись от забытья.

– Когда проедем с визитом по второму адресу?

– Надо, но после получения депеши от иркутского обер—полицмейстера.

– Отчего?

– Мне не хочется выслушивать пустые ответы, которые ничего не дают в нашем и без того пустом деле. Елизавета Петровна – красивая женщина, но меня больше сию мину-ту интересовало продвижение следствия. Пока не найдено хладное тело господина Комарова теплится надежда на благополучный исход.

– А что Вы ожидаете от иркутского ответа?

– Откровенно говоря, даже не знаю, – честно признался Путилин, – хочется хотя бы маленького следа, иначе впереди темный беспросветный тупик, – закончил речь о безрадостном окончании дела.

– Иван Дмитрич, – посетовал Миша, – я удивляюсь Вашему настроению.

– Не обращай внимания, – отмахнулся Путилин, – допекли меня циркуляры, словно ходить стоит по дорожке, проторенной там, – и он указал рукою в верх, имея в виду канцелярию обер—полицмейстера.

Жуков промолчал.

С наступившим утром пришли новые заботы. Деша из Иркутска прибыла ровно в полдень, словно томила в ожидании перед тем, как попасть на стол к начальнику сыскной полиции.

Путилин, прежде чем взять бумагу, положил на нее руку, словно пытался прочесть строчки, исписанные мелким почерком, с минуту посидел в задумчивости, глядя на лежащий перед ним лист.

— Так, — произнёс он, — начальнику... так ...санкт— петербургской... далее... отвечая на Ваше... далее... паспорта на ... выданные мещанам... были утеряны три месяца тому... это теплее... Вот Комаров Афанасий Петрович, мещанин, уроженец города Нижнеудинск, убыл в Москву для зачисления в духовную академию, паспорт выдан ... Понятно.

Миша, подай—ка мне послужной список пропавшего. Так, так.

— Есть новое? — Жуков сидел на стуле, словно на иголках.

— Ознакомься, — взял протянутую бумагу и сразу же начал читать.

— Три месяца тому, — произнёс он, оторвав от нее глаза, — так наш секретарь не уезжал из столицы последние годы и похитить паспорта не мог.

— В этом— то все дело, — прищурился Путилин, — так откуда он их взял?

— Может, у растяп похищены в столице?

– Проверь, останавливались ли данные господа у нас либо в Москве.

– Иван Дмитрич, а не проверить заодно и номера банковских билетов, найденных у господина Комарова?

– Проверь, – все тем же тоном произнёс Путилин, – вот тебе паспорта, проверь не снимались ли в последние годы квартиры или нумера в гостиницах на сии фамилии. А вот номера банковских.

Михаил поднялся со стула, держа в руках документы.

– Я в адресную, потом в казначейство. Будут еще распоряжения.

– Нет, Миша, поручений больше не будет, но прошу, поторопись.

– Непременно, Иван Дмитрич, я ж понимаю...

Ответ из иркутской канцелярии пахивал отпиской, на которую так богаты канцелярии, что, мол, своих дел не впроворот, а Вы с такой мелочью. У нас прибыл этап политических преступников более опасных для устоев Империи, чем Ваш секретарь. Но многое пришлось на пользу. Да, написано на бумаге с гербом, судебный процесс был. В нем встречалась фамилия господина Комарова, но Петра Тимофеевича, и не в качестве злодея, сидевшего на скамье обвиняемых. А на свидетельской и от его показаний зависело многое. Обвинялся же господин Крутогоров в растрате казенных средств и не в малых суммах. Ныне же господин Ко-

маров—старший держит ответ перед очами Господа нашего и спросу с него уже нет.

Кто вы, господин Комаров? — пронеслось в голове, — и как сумели стать не последним человеком в епархии?

Снова бесконечные вопросы, прибавившие новых разъяснений и требующие детального разъяснения, снова размышления об пропавшем господине, этом, будь он не ладен, секретаре Духовной Консistorии.

К вечерней зорьке явился Михаил, сияющий, словно начищенный до зеркального блеска самовар.

— Были наши растяпы в Санкт—Петербурге, и в это же время заявили о пропаже паспортов. Проживали, между прочим, на Невском в дорогой гостинице, — помощник умолк, заставляя Ивана Дмитриевича задавать новые вопросы

— Михаил, — прикрикнул на Жукова в нетерпении Путилин, — да не тяни, черт окаянный.

— Были растяпы на приеме у секретаря, но с какими просьбами помощнику господина Комарова не ведомо.

— Так, — подытожил начальник сыска, — мы обращались в Консistorию для составления списков уволенных и задержанных бракоразводных дел, а лишившиеся паспортов попадают в третий разряд — простых посетителей. Н—да, незадача.

— но мы же знаем, что лишились документов они здесь,

в столице, а это говорит, что консисторский секретарь мог приложить к пропаже руку.

— Мог — то мог, но к чему? — Иван Дмитриевич с недоуменным видом взял в руку лист бумаги, повертел и положил на стол. — На мошенника Афанасий Петрович не походит, такая карьера. Не каждый удосужуется в тридцать четыре подняться на столь высокую ступень. Но для чего красть документы? — Остановил речь и в удивлении добавил, — ведь зачем — то ему понадобились паспорта?

— А может быть господин Комаров не Комаров вовсе?

— Ответить на твой вопрос могу категорично, ибо неоднократно ломал голову. Если посмотреть, что из Иркутска отбыл юноша Афанасий, а в Москву прибыл уже другой с паспортом Комарова, то возникает преграда в виде знакомых, что за это время могли в нем разоблачить самозванца.

— Может он сторонился приехавших из Иркутской губернии?

— Мог, но его родной край неблизкий, но даже эти, растяпы, пошли на прием к земляку. Губернский городок небольшой и по этой причине, я думаю, знали друг друга, тем более отец нашего пропавшего был не последним человеком в губернии и его сына могли знать многие.

— Конечно, исключать нельзя, — задумчиво произнёс Михаил, — но меня беспокоят паспорта и деньги. А не соизволили оставить их ему в залог?

— Да, — улыбнулся Путилин, — и тут же заявили в полицию

об их пропаже?

– Я не прав.

– Знаю, а теперь давай вместе помыслим.

– Я всегда.

– Что же у нас, мил человек, получается? – начал Иван Дмитриевич. – Жил— был на свете чиновник, стоящий в епархии не на последнем месте. Добился поста через труд и рвение, прослыл стойким в решении вопросов. То, что самую малость замкнут, так это не повод подозревать его в злоумышлении, да и то, что в близких отношениях с приходящей прислугой, грех, но, как сказал Спаситель, кто у нас без греха? Далее следуют злополучные паспорта и деньги. Да что с номерами банковских билетов?

– Увы, – посетовал Михаил, – к сожалению, отследить не представилось возможным.

– Хорошо, перейдем к дальнейшим рассуждениям. Деньги скопил наш секретарь.

– Не возражаю.

– Паспорта? А не подброшены ли они?

– С какой целью? – неподдельное удивление читалось на лице Жукова.

– Может надо начать с этого, – Путилин постучал пальцем по столу, – к этому рассуждению меня подталкивает и иркутская депеша. Тебе так не кажется?

– Честно говоря, – осторожно произнёс Михаил, – я склоняюсь к противоположенному мнению.

– Позвольте полюбопытствовать, на чем же оно основано?

– Ну не верю я духовному ведомству, – после некоторого молчания сказал помощник.

– Михаил, – Иван Дмитриевич тяжело вздохнул, – ты молод и тебе простительны такие суждения, но, как сотруднику сыскной полиции, тебе этих слов простить нельзя. Ты в первую очередь должен, – Путилин выделил последнее слово, – руководствоваться не охватившими тебя чувствами или неприязнью к людям, встречающимся в расследовании, а чистым соображением, основанным на узнанном, увиденном и найденном. В данном случае на чиновнике нет пятен, ну кроме, ежели шалостей с домработницей, а в остальном он выполнял свои обязанности, как ему подсказывала совесть.

– Сомнительно.

– Не думаю, мои мысли основаны на имеющихся показаниях и документах. А твои?

После некоторого раздумья Михаил сказал:

– Вы правы, мои зиждутся исключительно на неприязни к данному господину.

– То—то. В конечном итоге мы имеем, – Иван Дмитриевич качнул головой из стороны в сторону, словно взвешивая слова, что хотел произнести, – как не смешно звучит, заговор с целью опорочить чиновника Духовной Консистории, не дающего ходу каким—то делам.

– Бракоразводным? – подхватил Жуков и брови взлетели вверх.

– Такой поворот вполне может быть.

– Но где же секретарь?

– Это—то мы с тобой и пытаемся выяснить, – Путилин поднял бумаги в поисках списка, написанного помощником господина Комарова, – что некоторых из упомянутых людей сблизило затягивание семейных дел и поэтому они могли сговориться и подстроить козни нашему приверженному принципам сохранения семейного очага чиновнику. Могли?

– Не исключено.

– Вот когда мы выясним, круг лиц, причастных к сему заговору, мы сможем выяснить, куда господина секретаря увезли.

– Вы думаете, его так запросто похитили у самых дверей Консistorии?

Иван Дмитриевич вместо ответа пожал плечами, мол, думывай сам, чай голова должна служить не только для носки картуза, а для более важных дел, требующих пошевелить мозгами.

– Тогда я не понимаю, – Михаил выглядел недоуменным, открытым взглядом вглядываясь в лицо начальника, – ну подбросили паспорта и что здесь крамольного?

– Не скажи, – Иван Дмитриевич подпер рукою щеку, – в сочетании с исчезновением да с деньгами...

– Но он—то исчез без них?

– Да, без них, – тем же тоном произнёс Путилин, – но допусти такую возможность, что наши святоши не стали вы-

носить сор из избы, а замяли дело, будто его и не было. Какие возникли у них мысли? Молчишь? То—то. Мы с тобой хотим докопаться до истины, а Афанасия Петровича сослали бы в какой—нибудь приход на Камчатке или Сибири, чтобы не вскрылось что—нибудь неприятное, имеющее возможность нанести вред церковному ведомству, как говорится, с глаз долой и вся недолга.

— И то правда, — деваться от доводов начальника было некуда и Миша согласился.

— С чего на твой взгляд стоит начинать? — щека продолжала покоится на руке, только над переносицей появилась складка.

— Вы же сами сказали — со списка.

— Начинай.

Жуков поднес кулак к губам, несколько раз кашлянул, словно оратор на трибуне.

— Мне кажется, — скомкал слова в нерешительности, потом осипшим голосом продолжил, — может надо начать с тех, кому надо завершить бракоразводное дело незамедлительно, скажем до отъезда в другие края либо для вступления в повторный брак.

— Замечательно, — похвалил помощника Путилин, — и поэтому ты со списком возвращаешься в Духовную Консисторию и уточняешь об этих людях все, что сможет поведать секретарский помощник. Если же он мало чем сможет помочь, то уточни, кто из списка, — он потряс бумагой, — с осо-

бым рвением пытался обойти господина Комарова, нанося визиты вышестоящим духовным лицам. Это будет наш первый шаг. Ты понял.

— Так точно, — просиял Миша, вскочив неловко со стула и так же неумело, но подражая военным, поднес руку к голове, — разрешите выполнять?

— Ступай да поживее, — отмахнулся от помощника Иван Дмитриевич.

Жуков доводил до истерического состояния помощника господина Комарова своими повторяющимися вопросами о том или ином семействе. Что подвигло их на разрыв отношений? Кто из них ходил с жалобами на ретивого чиновника? Какими карами грозили секретарю за задержку дела? Какими подношениями пытались купить? Но в конечном итоге добился желаемого и с радостным чувством, с бумагою, которая казалось жгла карман, погонял извозчика за медлительность езды, хотя прохожие шарахались в сторону от боязни попасть под колеса мчащейся коляски.

Иван же Дмитриевич nonачалу с четверть часа сидел за своим столом, перечитывая раз за разом список. После каждой фамилии отводил к окну взгляд, словно там была разгадка на интересующие его вопросы. Вновь возвращался к бумаге, которая невольно притягивала к себе. Когда же почувствовал усталость в глазах, вызвал дежурного чиновни-

ка, интересуясь рапортами и вновь пришедшими циркулярами, которых то ли к счастью, то ли к сожалению не оказалось. Прошелся по этажу, здороваясь со своими сотрудниками, потом вернулся к себе в кабинет, встал у окна, наблюдая за суетой на улице, в ожидании помощника.

Дверь с едва слышным скрипом отворилась, и в небольшую щель протиснулся Михаил с сияющей улыбкой на уставшем от общения с помощником Афанасия Петровича лице.

Путилин повернул на скрип голову и укоризненно покачал, напоминая помощнику, что не плохо бы было сначала постучать. В прочем непорядок, хотя на привычку Михаила, заходить без стука, уже давно махнул рукой, не стоило переручивать.

– Иван Дмитрич, – по лицу было видно, что возвратился не с пустыми руками, тем более, как не пытается спрятать лукавую улыбку, ничего не выходит, – я... – хотел пошутить по поводу поездки в Духовную Консисторию, но осекся под пристальным взглядом начальника. – Иван Дмитрич, кое—что удалось разузнать, – за миг стал серьезным.

– Докладывай, – повернулся Путилин и направился к своему любимому креслу, который скрипнул под тяжестью начальника сыска, – слушаю, Миша.

Жуков достал из кармана записную книжицу, в которую заносил самое примечательное и важное, раскрыл на нуж-

ной странице, приготовился к обстоятельному разговору об узнанном от духовных лиц.

– Миша, – произнёс Иван Дмитриевич, сбивая с толку помощника, чтобы тот привел в порядок мысли и начал с главного, а не расползлся, перескакивая с места на место, как бывало, когда от избытка накопившегося по розыскным делам терял нить рассказа и в конце концов погрязал в дебрях слов, и надолго замолкал, приводя мысли в порядок. Для этой цели Путилин нашел выход и прежде, чем приступить к выслушиванию отчета, давал Жукову маленькое поручение. – Вот то, пока ты не начал свою повесть, я с большим удовольствием выпил бы стакан горячего чая. Не сочти за труд, распорядись, чтобы нам принесли.

– Сию минуту, – вскочил помощник, оставив раскрытой книжицу на столе.

Через некоторое время Михаил воротился, держа в каждой руке по чашке крепкозаваренного чая и подслащенного двумя ложками, как нравилось Путилину.

Иван Дмитриевич отхлебнул глоток обжигающей жидкости и только тогда произнёс.

– Что, Михаил Силантич, готов к повествованию? Не будешь словесно частить?

– Так точно, Иван Дмитрич, – потупился Жуков, положив руки на колени. Потом потянулся к книжице, – меня заинтересовали в списке три фамилии, – взглянул на начальника.

– Фамилии потом, чем привлекли твое внимание?

– Своей неумным стремлением завершить бракоразводные дела в кратчайшие сроки, но наш пропавший секретарь, словно каменная скала, стоял на своем и тормозил их продвижение к заветной цели. Вот эти господа, где только не побывали на аудиенциях, дошли до самого обер—прокурора, но тот, сослался на то, что решение данного вопроса находится в ведении Духовной Консистории, не дал делам ход, а оставил решение на милость господина Комарова. И такое положение длится почти что год.

– Да, крепок духом Афанасий Петрович, раз выдержал годовалую осаду.

– Не только крепок, но и отписал обер—прокурору письмо с изложением своего видения семейных уз и тот в свою очередь согласился с доводами, приведенными секретарем.

– Что было далее?

– Как ни странно, но жалобщики месяца два тому успокоились, и их не было ни слышно, ни видно, словно смирились со своей участью.

– Тогда же пропали паспорта у комаровских земляков, — дополнил слова помощника Путилин.

– Мне тоже пришли в голову те же мысли.

– Насколько богаты наши жалобщики?

– Достаточно, что подкинутая сумма не особо облегчила их карманы.

– Хорошо, Михаил Силантич, получи—ка, голуба моя,

новое задание. Тебе предстоит узнать адреса...

Жуков с улыбкой протянул своему начальнику книжицу, открытую на странице, где были мелким почерком под номерами прописаны адреса.

– Молодец, тогда мне необходимо знать, все ли из них находятся в Петербурге?

– Разрешите, Иван Дмитрич, Вас покинуть для исполнения поручения?

– Дак я тебя и не задерживаю.

Михаил в веселом расположении быстрым шагом покинул кабинет.

– Вот и все, – пронеслось в голове у начальника сысской полиции, – кажется у клубка остался один кончик. Бедный, бедный секретарь, хотя, что ж я его жалею, каждый страдает, как наш Спаситель, за свои убеждения. Люди, какие бы ни были, всегда остаются людьми. К каждому из них можно подобрать ключик, даже к самому закоренелому душегубу, а господин Комаров возомнил себя человеком, скрепляющим семейные узы посредством воспрепятствования и затягивания бракоразводных дел. Да, не могу не согласиться, он стоит на страже духовного, но каждого надо рассматривать в отдельности, ведь жизнь часто подставляет ногу, а при падении не всегда успеваешь подстелить соломки. Вот взять хотя бы Серафима Никитского, образованный человек, Университетский курс философии прослушал, книгу даже напи-

сал, казалось бы радуйся жизни, а нет сколько он крови попортил, пока не вывели его на чистую воду. Но в нынешнем деле просто все получается, как то нескладно. Похитили секретаря, можно подумать заманили за город и заперли в доме, чтобы он из—под замка не мог шагу ступить. Пока Миша занят делом, проверю я одну мыслишку, как заноза вонзилась фраза в голову.

На извозничьей коляске быстро добрался до Консисто-рии, хотя казалось, что плетется не резвый конь, а кляча, едва передвигавшая копыта по булыжной мостовой. Привратник с важным видом прохаживался у входа, завидев Ивана Дмитриевича, он ничуть не удивился, а наклонил с почтением голову, словно давно ждал повторного визита начальника сысской полиции.

– Чем могу быть полезен? – без излишнего лебезения, но с каким—то достоинством произнёс он.

– Вот что, голубчик, – Путилин на миг остановился, прикусив нижнюю губу, – будь любезен, вспомни еще раз то утро, когда господин Комаров в последний раз подъехал ко входу к месту службы.

– Вашество, – приложил руку к груди, – я тогда Вам все поведал, что сохранила моя память, ничего нового к сожалению добавить не могу.

– Все же попробуй припомнить тот миг, когда Афанасия Петровича окликнула женщина в черном, – спросил Иван

Дмитриевич.

– Хорошо, попробую, в то утро они еще сконфузились от окрика.

– Это понятно, но дама ничего ему не показывала?

– Не понимаю, 1.

– Дама ничего ему не передавала?

– Нет, – с уверенностью отрезал привратник, потом в его глазах мелькнула искра сомнения, он задумался, пощипывая бороду, – хотя постойте, – пальцем водил по губам, – постойте, а ведь Вы совершенно правы, господин Путилин, как же я не заметил. Дама достала из маленького ридикюля какой—то листок, протянула ему, Афанасий Петрович прочел и только после этого сел в коляску.

– Ошибки быть не может? Ничего не путаешь?

– Нет, нет, господин Путилин, я явственно вижу сию картину, ведь Афанасий Петрович стоял вот так, – привратник повернулся, показывая, как стоял в утро исчезновения секретарь Духовной Консистории, – правым боком ко мне.

– Больше ничего примечательного не припоминаешь? – еще раз задал вопрос начальник сыскной полиции. – Мне важна всякая мелочь.

– Ей Богу, – привратник перекрестился, – Вашество, не помню, – и покачал головою, ну, ей Богу, не помню да и добавить больше ничего не могу.

– И на том благодарствую, – Иван Дмитриевич скривил губы в вымученной улыбке и пошел быстрой походкой, сту-

ча тростью по камням мостовой, к ожидавшей его извозчи-
чьей коляске. Всю дорогу чертил правой рукою перед собою
какие—то непонятные воздушные знаки, иногда резко пе-
речеркивая и только изредка приподнимались брови, чтобы
вновь нахмурится, сводя их к переносице. Ничто не могло
отвлечь Путилина от тревожащих мыслей.

Медленным шагом, не обращая внимания на дежурного
чиновника, Иван Дмитриевич прошел к лестнице и, держась
правую рукою за перила, начал подниматься. Мыслей было
много, но все какие—то скоротечные, словно искры выле-
тавшие мотыльками из яркого костра.

Кабинет встретил пустотою и безразличным взглядом Го-
сударя, на который Путилин ответил разведенными руками,
мол, простите, Ваше Величество, делаю вопреки всему, что
в моих силах, и лелею надежду — завершить сие непростое
дело. Как бывало всегда, подошел к окну и посмотрел вниз
на неширокую улицу, наполненную городским несмолкаю-
щим шумом. Там простоял с четверть часа, переваливаясь
с пяток на носки, отбросив прочь тревожившее его в данное
мгновение.

Когда за спиною скрипнула дверь, Иван Дмитриевич
не обернулся, ибо пребывал в полной уверенности, что
неуемный помощник, никак не отучится от вредной привыч-
ки входить без стука, вернулся с хорошими вестями и рас-
следование близится к завершению.

– На щите иль со щитом? – повернул Путилин голову, с потаенной надеждой смотря в глаза Михаила, на лице которого сквозь маску смущения проступали черты довольства выполненным поручением.

– Не скажу, что обладаю полной картиной, но некоторые сведения имеются, – Жуков остановился у стола, поглядывая на стул.

– Присаживайся, голубчик, присаживайся, – Иван Дмитриевич понял усталый взгляд помощника, – небось намаялся, бедолага, бегая по городу.

– Не скажу, Иван Дмитрич, что Вы не правы, – произнёс Михаил, шумно опускаясь на стул, – но маленько гудение в ногах присутствует, словно уж не мои.

– Ладно, о себе поведаешь потом, – Путилин быстрым шагом пересек кабинет, присел в кресло, наклонившись вперед и облокотившись руками о столешницу, – не томи, докладывай.

Миша жеманно повел плечами.

– Да в общем докладывать— то не о чем.

– Как так? – вскинул брови начальник сыскной полиции.

– Все интересующие нас лица в городе, разве что за исключением Сергея Павловича Новосельцева, да и тот за городом, в своем доме в Сестрорецке.

– Хорошие новости, хорошие. Вот что, голубчик, отправляйся—ка к ним и пригласи их прибыть ко мне, – Иван Дмитриевич перехватил удивленно—уставший взгляд по-

мощника, — хорошо, придется мне самому нанести визиты нашим подозреваемым. Адреса, — протянул руку.

Некоторое время Путилин пребывал в задумчивости, потом придвинул к себе стопку бумаги, где в углу значилась надпись отпечатанная в типографии «Министерство Внутренних Дел». Размашистым почерком написал десяток слов и поставил свою подпись.

— Так, Миша, убирай усталость подальше в карман, бери коляску и развези—ка господам сии приглашения, — пригрозил пальцем, — вручи лично в сиятельные руки, лично, — повторил начальник сыска.

Сам же снова подошел к окну.

— Иван Дмитрич, — окликнул Путилина, поднимающегося по лестнице помощник.

Начальник сыскной полиции остановился в ожидании, когда подойдет Жуков, — все оповещены, лично каждому из них вручил приглашение.

— Молодец, — Путилин продолжил подниматься, — как они восприняли бумаги?

— У меня складывалось впечатление, что не были удивлены моим приходом, даже некоторые из них испытали какое—то облегчение, словно с себя сняли непосильную ношу.

— А Новосельцев?

— Я был удивлен, когда его жена взялась переслать приглашение.

– Ничего удивительного, – Иван Дмитриевич остановился на площадке, – завтра, надеюсь, прояснится ситуация с исчезновением нашего героя.

– Ваша правда.

Ровно через час после разговора на лестнице в дверь постучал дежурный чиновник.

– Иван Дмитриевич, – с порога начал он, – к Вам посыльный от графини Прозоровской с приватной просьбой.

– Зови.

Вошел средних лет мужчина с коротко постриженной бородой и в отутюженном костюме, он смущенно посмотрел на Путилина.

– Прошу прощения, Ваше Превосходительство, но мне поручено поговорить с Вами без свидетелей.

– Вы свободны, – обратился к чиновнику и добавил, глядя на Жукова, – приготовь чаю. – Потом повернул голову к посетителю, – я к Вашим услугам. – тот достал из внутреннего кармана пиджака длинный конверт синего цвета и, молча, протянул хозяину кабинета.

Иван Дмитриевич достал из конверта лист плотной бумаги, развернул. В верхней части красовался замысловатый герб.

«Господин Путилин!

Я удивлена полученным приглашением и мне не хотелось бы появляться в полицейском отделении, афишируя

свой приход. Если возможно сохранить инкогнито, прошу вас посетить мой дом сегодня в семь часов по полудни.»

Внизу красовалась размашистая подпись.

Начальник сыскной полиции оторвал взгляд от листа бумаги и произнёс, адресуя посыльному.

– Передайте графине, я непременно воспользуюсь ее предложением.

Посыльный наклонил голову, показывая, что передаст в точности слова Путилина, и вслед за этим вышел.

Когда снова вошел Жуков, то увидел сидящего за столом Путилина, опершегося подбородком о руки.

– Сегодня мы приглашены к графине Прозоровской.

– К Прозоровской? – изумился помощник.

– Так точно, – отрапортовал начальник, – к незабвенной графине Прозоровской, являющейся одной из подозреваемых. Так что будь любезен, приготовь костюм к аудиенции.

Ровно в семь Путилин и Жуков вошли в трехэтажный дом на ... улице.

– Голубчик, – произнёс Иван Дмитриевич, протягивая швейцару цилиндр и трость, – доложи графине, что прибыл господин Путилин.

– Мне приказано Вас проводить.

– Выполняй поручение.

В гостиной, в которую был препровожден начальник сыскной полиции и его помощник, было светло, множество свечей освещали каждый закуток. В креслах сидели дамы – хозяйка графиня Прозоровская, в сиреневого цвета платье с пышной прической, рядом Глафира Нистратовна Новосельцева, пока еще жена промышленника, владельца многомиллионного состояния. В третьем с длинной папиросой в руке Ирина Мельникова, самая молодая, но уже претендующая на разрыв семейных отношений после нескольких лет замужества.

– Дамы, – Путилин галантно наклонил голову, приложив правую руку к груди, при этом смущенно улыбнулся, – и господа! – мужчины стояли вместе, бросая настороженные взгляды на начальника сыскной полиции. – Чрезвычайные обстоятельства принудили меня просить у Вас аудиенции для решения весьма щекотливого вопроса, который, поверьте, мне не хотелось выносить на суд общественного мнения.

– Nous avons besoin de cette limier? (Что от нас нужно этой ищейке?) – произнёс граф Прозоровский, выпуская дым изо рта.

– Graf, plus silencieux. Laissez—nous commencer; entendre le limier. (Граф, потише. Давайте для начала послушаем эту ищейку).– Сказал Сергей Павлович и обратился к Ивану Дмитриевичу, – и чем, милостливый государь, мы обязаны столь экстравагантной встрече.

– Позвольте у Вас полюбопытствовать, – Путилин обвел

присутствующих взглядом, — насколько я осведомлен все вы собрались разорвать семейные узы?

— Это, господин полицейский, не Ваше дело, — раздраженным тоном произнёс Новосельцев.

— Да, я прошу простить за вторжение в интимную сторону ваших отношений, но речь идет о судьбе некоего господина, который препятствовал вашему счастью.

— К Вашему сведению, — граф Прозоровский пронзил Путилина заинтересованным взглядом, — у каждого из нас хватает недоброжелателей. Так о ком из них идет речь?

— О господине Комарове, — Иван Дмитриевич старался каждого окинуть взглядом, стараясь угадать охватившие присутствующих чувства.

— Боже мой, — наигранно воскликнула госпожа Новосельцева, — что же случилось с вышеуказанным господином?

Ни у кого ни лице не промелькнула искра заинтересованности судьбой секретаря Духовной Консистории.

— Он пропал, — без всякой интонации произнёс Путилин.

— Пропал? — повторила Глафира Нистратовна, а у самой промелькнули в глазах озорные искорки.

— Увы, пропал, — начальник сыскной полиции развел руками, — приехал, видите ли, к месту службы и подле самых дверей, взял и пропал, как нос господина Ковалева.

— Простите, чей нос? — нахмурил лоб господин Новосельцев.

— Серж, — повысила голос Глафира Нистратовна, по всей

видимости привыкшая одергивать своего не очень образованного мужа, как иногда говорила своим наперсницам. То только сжал в раздражении губы.

— В одно прекрасное утро проснувшийся майор Ковалев, — Иван Дмитриевич смотрел только на Новосельцева, — обнаружил, что его собственный нос исчез и начал жить своей жизнью, так повествуется в сочинении литератора Гоголя.

— Как я полагаю, — граф Прозоровский перебил Путилина, — вы пришли не рассказывать нам о сочинениях литераторов, а с более определенной целью.

— Совершенно верно, — наклонил голову в знак согласия, — у меня совершенно другие цели.

— Мы вас слушаем и давайте без предисловий.

— Без предисловий, так без предисловий, — умолк на минуту, — я спрашиваю у вас всех: зачем вы похитили господина Комарова?

— Что себе позволяет этот господин? — в раздражении произнёс граф.

— Он выполняет свою работу, — и уже по—русски обратился к Путилину, — и у вас есть основания для таких чудовищных предположений?

— Некоторые существуют.

— Предъявите и нам.

— В то злосчастное утро, когда секретарь исчез, не вы ли, госпожа Мельникова, — он поворотил взгляд к Ирине, — в черном платье и вуалью на лице поджидали Комарова

у дверей Духовной Консистории? Не вы ли? – ее щеки покрылись румянцем, она хотела что—то произнести, но Путилин остановил ее жестом и продолжил, – я не знаю, под каким предлогом вам удалось предложить сесть в коляску, но увезли его вы. Так?

Ирина молчала.

– Это переходит все границы приличия, – прошипел господин Мельников, – врываетесь и сюда и бросаете нам необоснованные обвинения.

– Мишель, успокойтесь, – произнёс Новосельцев, – это только лишь слова.

– Хорошо, – Мельников присел на стул, – продолжайте свою прелюбопытнейшую историю. Продолжайте.

– Извините. господа, – Иван Дмитриевич заложил руки за спину, – но я пришел к вам не как чиновник сыскной полиции, а как частное лицо. Мне не хотелось выносить данное происшествие на суд общественного мнения, тем более, что я уверен: господин Комаров находится в добром здравии. Не так ли, господин Новосельцев?

Тот ничего не ответил, только сжал пальцы так, что они хрустнули в наступившей тишине.

– Его можно разыскать в вашем доме в Сестрорецке, не так ли? Не делать же мне там обыск? Тем более это влечет вынесение данного дела на суд прокурора.

Желваки играли на скулах Сергея Павловича.

– Господа!

– Да, этот подлец у меня, – перебил Путилина осипшим голосом Новосельцев.

– Серж, что ты творишь? – попытался образумить граф Сергея Павловича, тот только отмахнулся.

– Господа, я надеюсь сегодня же ночью чиновник Консistorии вернется в свою квартиру и вы полюбовно решите связанные с его самовольным заключением вопросы.

– А если нет?

– Мне не хотелось бы доводить дело до судебных властей и раздувать скандал.

– Разве наше дело наказуемо? – с удивлением произнёс граф Прозоровский.

– Не хочу вас огорчать, Ваше Сиятельство, но ваши действия попадают под действие статьи тысяча пятсот сороковой статье Уложения о наказаниях.

– Serge, mais vous avez dit le contraire? (Серж, но ты же утверждал обратное?)

Новосельцев вместо ответа отвернулся к окну.

– Господа, я понимаю ваше негодование действиями секретаря, но не надо же опускаться до уровня разбойников, тем более, что положение в обществе обязывает вас к более разумным решениям.

– Перестаньте, господин полицейский, этот подлец откладывал решение по нашим бракоразводным делам только по причине наших состояний.

– Я думаю, что полученный урок пойдет на пользу ду-

ховному чиновнику, и искренне надеюсь, что и вы вынесете из него определенные выводы.

– Вы правы, мы поступили глупо, – глухо прозвучал голос графини Прозоровской.

– J'esp; re que cette affaire se terminera heureusement pour tous les (Надеюсь, что данное дело завершится благополучно для всех), – с улыбкой на губах произнёс Путилин на французском языке, – pour se permis de tirer sa r; v; rence (а за сим разрешите откланяться).

Смутился только граф Прозоровский, не ожидавший от сыскного таких познаний.

Некоторое время шли молча.

– Иван Дмитрич, а когда Вы заподозрили неладное в деле? – спросил уже на лестнице Михаил.

– Первые сомнения меня посетили, когда я нашел в бюро паспорта. Напоминало, что кто—то прямо таки желал, чтобы они были обнаружены не кем— то, а именно мною, начальником сыскной полиции, чтобы отправить розыски по ложному следу и на первых порах это действительно удалось. Я бросился, словно борзая, учуяв добычу.

– А я был уверен в виновности господина Комарова, больно все складывалось не в его сторону, ведь паспорта, деньги, притом уклончивый ответ из иркутской губернии.

– Нет, у меня все стало в обратную сторону, ответ из губернаторской канцелярии добавил немного ясности, а пас-

порта и деньги подброшены, тем более для этих господ сумма была отнюдь невелика.

— Н—да.

— Из губернаторской канцелярии не хотели выносить сор из избы, там в деле не все обстоит законно и поэтому в своем донесении они уклончиво касались щекотливой темы — дела его отца.

— Для чего эти господа похитили секретаря?

— Просто не нашли ничего лучшего, чем похищение и хотели выставить господина Комарова в нехорошем цвете, а когда увезли его в Сестрорецк, в головах наступило прояснение и не знали, как им поступить дальше.

— А как они его удерживали? Силой?

— Нет, думаю, опаивали маковым отваром, а может и иным сонным зельем. Он и спал эти дни, не подозревая об интриге вокруг его имени.

— Иван Дмитрич, а я бы не догадался об отваре. Но господа—то...

— Ты же видел облегчение, скользнувшее по их лицам.

— Я не пойму, Иван Дмитрич, как вы догадались, что именно Мельникова была той дамой в черном?

— Ну, Миша, внимательнее надо быть. Швейцар говорил о высокой даме. Так?

— Так, но все дамы сидели?

— Совершенно верно, сидели на одинаковых креслах, а кто из них был выше?

– Но прически?

– Внимательность развивай, господин Жуков, внимательность.

– Вы думаете, все окончится благополучно?

– Я уверен в этом, том более господа полюбовно решат вопрос с пропавшим чиновником.

Газетная статья. 1874 год

День с утра не задался, это не считая того, что начальник сыскной полиции Путилин целую ночь вертелся с боку на бок, словно детская юла. Сон не шёл, только под сереющий рассвет провалился в забытие, но тут же был разбужен домохозяйкой Глашей, которой сам же велел.

Потом, потянувшись за вчерашним номером «Санкт—Петербургского вестника», задел любимую чашку рукавом халата и она разлетелась осколками по полу, хорошо, что была пуста.

Пришлось пройтись, почти что, до Петропавловской крепости, пока не изловил извозчика. Складывалось впечатление, что они исчезли с улиц в столице.

Уже в кабинете начав просматривать журнал приключений, составленный из рапортов приставов о случившихся в Санкт—Петербурге преступлений за прошедший день, внезапно разболелась голова. Да так, что пришлось отложить в сторону документы, чтобы позже вернуться к чтению. Именно в этот час дежурный чиновник доложил о приходе адъютанта градоначальника, не посыльного, а именно, адъютанта. В редких случаях недовольства Федора Федоровича за начальником сыска посылался поручик Степанцов, стройный молодой человек, получивший должность благодаря протекции дяди, действительного тайного советника,

бывшего членом Государственного совета. Маленькие усики на холеном породистом лице подрагивали от раздражения. Видимо, и ему досталось от генерала Трепова.

— Фёдор Фёдорович просят прибыть вас, — не поздоровавшись, произнёс охрипшим голосом поручик.

— Господин Путилин, — доложил Степанцов.

Градоначальник сперва сжал губы в тонкую полоску, поморщился и что—то пробурчал.

Адъютант распахнул дверь, приглашая начальника сыскного отделения в кабинет.

Иван Дмитриевич на негнущихся ногах шагнул вперёд, сделал несколько шагов и остановился, вытянув руки вдоль тела. Позади бесшумно закрылась дверь.

Генерал—адъютант Трепов поднялся с места, что бывало крайне редко, и исключительно, когда градоначальник крайне недоволен вызванным на аудиенцию

Фёдор Фёдорович заложил руки за спину, прошёлся по наборному паркету, скрипнув сапогами. Подошёл к окну, устремив взгляд на Большую Морскую улицу, и не поворачиваясь, произнёс голосом, в котором звучали нотки раздражения и обиды.

— Господин Путилин, почему о преступлениях в столице я должен узнавать из газет?

Иван Дмитриевич опешил и не нашёлся, что сказать.

— На столе газета, прочтите заметку «Кража, оставшаяся

безо всякого внимания».

Начальник сыскной полиции подошёл к столу и взял газету в руки, но никак не мог начать чтение, буквы плясали и расплывались, словно шаловливые дети.

«Кража, оставшаяся безо всякого внимания.

Складывается впечатление, что жизнь простых граждан не интересна нашим столичным властям. Видимо, они заняты только важными делами – писанием отчётов, циркуляров, депеш. На остальное не хватает времени, ведь обижен простой чиновник, всего лишь помощник Управляющего Временной Ревизионной Комиссии Государственного контроля. Если бы он был не коллежским советником, а хотя бы тайным или на худой случай статским, то полицейские власти нашего города занялись бы делом.

Итак, 5 августа помощник Управляющего Временной Ревизионной Комиссии Государственного контроля коллежский советник Николай Иванович Даудель устроил приём в честь дня рождения дочери Марии. Среди приглашённых присутствовало много сослуживцев и прочей чиновничьей публики, для развлечения которых был ангажирован хор и оркестр.

Николай Иванович решил сделать семье праздник, который, к великому сожалению устроившего, кончился трагедией. Да, именно, трагедией. Не подумайте, что пролилась невинная кровь, жена чиновника лишилась драгоценностей,

доставшихся в наследство.

Дело было так. Госпожа Даудель решила переодеть платье, ведь не всегда выпадает такая возможность продемонстрировать свой гардероб, ибо не так часто коллежский советник принимает в своём доме гостей. При этом Елизавета Петровна сняла с себя драгоценности, которых по словам хозяйки было на шестьдесят тысяч рублей, одно лишь кольцо с алмазами и рубинами стоило более сорока тысяч.

Переодевшись госпожа Даудель вспомнила, что не заперла драгоценности в ящик стола и тут же воротилась в комнату. Каково было изумление хозяйки, когда она увидела, что все драгоценности, вплоть до старинного потертого от времени серебряного колечка, исчезли.

Госпожа Даудель переодевалась одна, не привлекая прислуги, так как они были заняты гостями. В комнату никто не заходил, так как в нее вела только одна дверь, которая находилась на виду.

Хозяйка подняла тревогу, но все усилия к поиску драгоценностей ничего не дали. Из столовой никто не мог войти в комнату незамеченным и поэтому никто из гостей обвинен быть не мог, но тем не менее гости сами выразили желание, чтобы их обыскали. Только после этого в комнатах прислуги провели тщательный обыск, но, увы, так ничего и не нашли.

Но самое удивительное, что чины полиции, вызванные бедным чиновником, на место дерзкого преступления, так и не явились.

Конечно, коллежский советник, хотя и дворянин, но человек небольшого достатка, может быть, с этим связано нежелание полиции заниматься таким делом.

И зачем нам в городе градоначальник, который не может управлять подчинёнными ему полицейскими участками и частями?

Надеемся, что справедливость восторжествует в столице и мы увидим, что полиция поставлена защищать всех граждан от посягательств преступных элементов не только на наши жизни, но и на наше имущество».

Путилин бесшумно положил газету на край стола.

Градоначальник играл желваками, щёки побледнели, а глаза сощурились, словно у удава.

– Господин Путилин, я знаю о хорошем отношении к вам Государя, но позвольте полюбопытствовать, почему, я должен о преступлениях в столице узнавать из газет?

Иван Дмитриевич судорожно вспоминал, не пропустил ли он чего в журнале происшествий. Да, нет, вообще фамилия Даудель не упоминалась. Он бы точно ее запомнил. И ко всему прочему, сыскная полиция всегда выезжает по вызову приставов, но об этом начальник сыска не упомянул.

– Чтобы завтра, я повторяю, завтра, преступник был найден и господину, – градоначальник подошёл к столу, заглянул в газету, – господину Дауделю принесли нижайшие извинения и пропавшие драгоценности. Я более вас не задер-

живаю.

Путилин вышел из кабинета и только в приёмной вытер со лба, выступивший холодный пот. Начальник сыска робел в присутствии генерала Трепова, язык прилипал к нёбу и не мог вымолвить ни слова, словно нашкодивший ученик младших гимназических классов.

В сыскное отделение Путилин воротился не то, чтобы в плохом настроении, но близком к оному. Понапраслина всегда вызывает отторжение, особенно от стоящего ступенью выше начальства, которому вроде бы и надо высказать возражение в ответ, но боязно.

Поднимаясь по лестнице, Иван Дмитриевич встретил помощника Жукова, спешившего куда—то по поручению.

– На ловца и зверь бежит, – Путилин остановил на ходу поздоровшегося Мишу, – зайди ко мне.

– Иван Дмитриевич, – начал было Жуков.

– Все дела в сторону, – твёрдым голосом произнёс Путилин.

– Так точно, – вытянулся помощник, пародируя военного.

Начальник сыска только покачал головой и направился в кабинет, где не снимая верхнего платья, раскрыл шкаф, достал справочную книгу по Санкт—Петербургу и начал листать.

«Коллежский советник Николай Иванович Даудель, помощник Управляющего Временной Ревизионной Комиссии

Государственного контроля, в чине с 6 сентября 1868 года, в настоящей должности со 2 сентября 1872 года, Кавалер орденов Св. Анны, 2 и 3 степени, Св. Станислава 2 степени с Императорской короной, имеет знак отличия непорочной службы за XV лет, православный, дворянин»

В другой справочной книге Путилин узнал, что господин Даудель имеет родовое имение в Лифляндской губернии, сына четырнадцати и дочь шестнадцати лет, проживает на Гончарной улице в собственном доме, но нигде не было сказано, что дом заложен и чтобы выплатить за него деньги, госпожа Даудель в последний раз надела драгоценности, чтобы на следующий день с ними расстаться.

Хозяин встретил людей из сыскного отделения в кабинете, где ломал голову о том, где достать денег. Неужто придётся, думал он, переезжать в имение, уходить в отставку.

– Чем могу быть полезен, господа, – грудной приятный голос прозвучал, когда коллежский советник Даудель поднялся из—за стола.

– Начальник сыскной полиции статский советник Путилин, – отрекомендовался Иван Дмитриевич и, указав на Мишу, продолжил, – мой помощник господин Жуков.

– Вы...

– Да, господин Даудель, – перебил хозяина Иван Дмитриевич, – мы прибыли с целью расследования той неприятности, что случилась с вами.

– Наконец, – обрадовался Николай Иванович.

– Скажите, господин Даудель, почему вы не вызвали сразу же по обнаружению пропажи полицию?

– Я, – хозяин густо покраснел и, понизив голос почти до шёпота, произнёс, – мне не хотелось думать, что причастны к делу мои родные.

Бровь Путилина поползла вверх.

– У вас были подозрения?

– Нет, но...

– Вы можете показать комнату, из которой исчезли драгоценности.

– Да, господин Путилин, распоряжайтесь мной по своему усмотрению, – у хозяина заблестели глаза, словно начальник сыска, как фокусник, достал из шляпы золотые изделия с камнями.

В комнату, в которой переодевалась госпожа Даудель, вела только одна дверь, по обе стороны которой стояли две низенькие подставки с деревянными кадками с зелёными растениями, раскинувшие веером тонкие длинные листья.

– Я приказал ничего не трогать в ней, ибо не знал, а скорее предчувствовал, что дело примет новый оборот.

– Хорошо, – Иван Дмитриевич остановился у двери, – а та, куда ведёт? – Указал тростью.

– В спальню.

Длинный коридор, в одном торце дверь, ведущая в спаль-

ню, со второго – в столовую, где были гости, посредине в комнату, вернее будуар Елизаветы Петровны.

– В спальню тоже ведёт одна дверь?

– Да, господин Путилин, в нее можно попасть только из этого коридора.

– Понятно, покажите комнату.

Хозяин достал из кармана ключ и отпер дверь.

– Сюда более никто не заходил.

Иван Дмитриевич внимательно окинул от двери комнату взглядом, потом начал внимательно осматривать от входа справа налево, не упуская ни единой детали. У окна он остановился подольше, подёргал форточку, которая оказалось не запертой, открыл окно и внимательно исследовал подоконник, на котором явственно выделялся след большого сапога и круглый.

Путилин хмыкнул.

– Мы можем посмотреть место под окном?

– Непременно.

Под окном валялась брошенная лестница. Путилин поставил ее к подоконнику и поднялся вверх.

– Ну что? – Нетерпеливо спросил хозяин.

– Вы, видимо, тоже осматривали здесь?

– Нет, – сказал господин Даудель и снова густо покраснел.

– Что находится там? – Путилин указал на хозяйственное строение.

– Конюшня.

– Вы ее осматривали?

– Нет, не было нужды.

– Странно, хотя... Не удивлюсь, если там найдется какое—нибудь дешёвое колечко или серьги. Миша, – подозвал Иван Дмитриевич Жукова, – проверь.

– Хотите осмотреть что—то ещё?

– Некоторые обстоятельства для меня ясны, вот только не могу понять, где, – Путилин умолк и посмотрел на окно комнаты, – вот садовая голова, – стукнул себя по лбу, – Николай Иванович, видимо, старею.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего, пройдемте снова к двери в комнату.

Иван Дмитриевич придирчиво осмотрел сперва дверь, достал лупу наклонился и заглянул в замочную скважину.

– Это и следовало ожидать, – проговорил он очень тихо, потом обернулся к хозяину, – у кого хранятся ключи от этой комнаты?

Николай Иванович достал связку из кармана.

Путилин кивнул.

– В чём собственно дело? – Недоумевал коллежский советник.

– У вашей супруги свой ключ? – Сыскной начальник не обратил никакого внимания на слова Дауделя.

– Да.

– Мог ли кто—то взять ваши ключи или госпожи Даудель?

– Исключено.

– Мои всегда при мне и я не имею привычки разбрасываться ими, точно так же, как и моя жена.

– Кто из гостей ранее бывал в вашем доме?

– Никто.

– Это точно?

– Господин Путилин, я знаю, что говорю.

– Хорошо, тогда скажите, кто мог знать, что эта комната является будуаром Елизаветы Петровны и в ней хранятся драгоценности?

– Любой мог догадаться, что если там переодевается моя жена, то там хранятся и ее украшения.

– Не скажите, может быть, там стоит сейф, который вы используете или храните все ценности в кабинете.

Хозяин задумался.

– Сейфов у нас от роду не было, кто мог об этом знать? – Щёки господина Дауделя побледнели то ли от напряжения, то ли что—то вспомнил. Иван Дмитриевич ждал. – Не знаю, – честно признался Николай Иванович.

– Кто —то из гостей напрашивался к вам с визитом?

– Нет.

– А к вашей супруге?

– Нет.

– Вы знаете точно?

– Она бы мне сказала об этом.

– Хорошо, кто из прислуги знал, что драгоценности хранятся в запираемом ящике.

– Все, думаю.

– Понятно.

– Иван Дмитрич, – на пороге стоял улыбающийся Жуков.

– Вижу по улыбке что—то обнаружил.

– Есть немножко, – и Миша протянул Путилину раскрытую ладонь, на которой лежало потемневшее от времени серебряное колечко и такая же старая цепочка.

– Вам знакомо? – Спросил у Николая Ивановича начальник сыска.

– Да, они были со всеми драгоценностями.

– Где? – Поинтересовался у помощника.

– У кучера Василия в кармане пиджака, что висит в его комнате.

– У кучера, в кармане? – Подал голос хозяин, на который начальник сыска не обратил внимания.

– Надеюсь, ты пригласил его сюда?

– Он ждёт за дверью.

– Так, – задумчивое лицо на миг нахмурилось, – Миша, – и он что—то зашептал ему на ухо.

– Уже выполняю.

– Скажите, Николай Иванович, кто рекомендовал вам хор и оркестр.

– Не знаю, где—то читал или прослышал, что обойдутся недорого, вот и нанял.

– Позовите вашего кучера, не то мается в неизвестности.

Кучер Василий, среднего роста мужчина лет тридцати с пышным чубом, вошёл в комнату как—то бочком, словно боялся не только наследить, но и попасться на глаза. В руках мямл выцветшую фуражку.

– Значит, ты служишь у господина Дауделя кучером?

– Именно так.

– Как давно? – Хозяин хотел что—то сказать, но Иван Дмитриевич так на него посмотрел, что тот не произнёс ни слова.

– Четвёртый годок.

– Доволен местом?

– Премного благодарен Николаю Ивановичу, – кучер метнул не очень дружелюбный взгляд на хозяина, – сыт, жильё имею и деньги получаю.

– Ты знаешь, что в твоём пиджаке найдено вот это, – Иван Дмитриевич показал кольцо и цепочку кучеру.

– Не—е—ет, – протянул Василий, – это не моё. Первый раз вижу.

– К тебе много знакомых ходит в гости.

Кучер покосился на хозяина и произнёс:

– Нет, нам запрещено.

– Значит, в первый раз видишь и объяснить, как попали к тебе в карман не можешь?

– Истинно так.

– Ладно ступай.

Когда кучер вышел, хозяин, багровея лицом, прошипел:

– Это же он, почему вы его отпускаете?

– Поверьте, любезный Николай Иванович, я знаю, что делаю. Я сейчас вернусь.

Кучера нагнал во дворе, Даудель видель из окна, как Иван Дмитриевич остановил Василия во дворе.

– Вот что, голубь мой сизокрылый, – произнёс Путилин, – здесь только я и ты, хозяин, хотя и видит нас, но не слышит, поэтому отвечай без утайки ты меня понял?

– Что ж не понять? Теперь я не только места лишусь, подумает Николай Иванович, что я злодейство учинил.

– Не подумает, если мне честно всё расскажешь. Кто к тебе в гости заходит?

– Строго у нас с этим.

– Василий, мы здесь одни, так что выкладывай, если не хочешь, чтобы хозяин тебя в кутузку отправил.

– За что?

– Василий, – повысил голос Иван Дмитриевич.

– Односельчанин ко мне в последнее время приходит.

– Василий, мне надо тебе вопросы задавать или сам о нём поведаешь? Кто? Имя, фамилия, где служит, чем занимается, где проживает, характера какого. Всё рассказывай, я повторяю, всё.

Василий тяжело вздохнул.

– Степан Кольчугин, служит дворником у купца Феромо-

нова, там же и проживает.

– Где?

– На Екатеринославской улице.

– Что мне из тебя клещами сведения тащить?

– С детства он скрытный, да к тому же завистливый.

– Когда его в последний раз видел?

– Дак, в хоре он пел.

– В каком? – Недоумевая, спросил Путилин.

– Дак, в том, что хозяин пригласил.

– Как он туда попал?

– Не знаю, – пожал плечами Василий.

– Он же дворником служит. Ты к нему в гости ходишь?

– Иной раз.

– Ты знаешь, что хозяин тебя начал подозревать?

– Знаю, – сжал губы дворник.

– Хочешь подозрение с себя снять?

– Бог – свидетель, не виновен и не хочу, чтобы обо мне дурного не думали.

– Тогда, – Иван Дмитриевич смотрел в глаза Василия, – ты должен сходить к Степану и в разговоре сказать, когда тот поинтересуется твоими хозяевами, что они, мол, сегодня в Шлиссельбург едут.

– А если не спросит?

– Будь уверен, спросит.

– Вы правы, господин Путилин, спросил и обрадовался,

когда узнал о том, что хозяйина с семьёй не будет дома.

– Теперь, господин Даутель, у меня к вам одна просьба.

– Если это вернёт драгоценности моей супруги, то я готов, – хозяин сделал попытку пошутить.

– Вернёт, – вполне серьёзно ответил на слова Николая Ивановича Путилин.

– Я внимательно слушаю.

– Вам есть где остановиться сегодня с семьёю?

– А дом?

– Мне нужно, чтобы вы сказали прислуге об отъезде на день —два.

– Зачем?

– Чтобы вернуть драгоценности вашей жены.

– Тогда мы поедem к моей сестре в Царское село.

– Хорошо, но скажите, что в Шлиссельбург.

– А...

– Преступник уже знает, что дом будет свободен и сможет беспрепятственно забрать похищенное.

– Вы знаете, где они лежат? – Заикаясь, спросил хозяин.

– Да.

– Почему тогда не взять их сейчас? – Господин Даудель сглотнул скопившуюся слюну.

– Тогда мы не словим злодея.

– Пойду предупрежу Елизавету Петровну.

– Более всего подозрителен односельчанин Василия Степан Кольчугин, – докладывал вернувшийся Миша.

– Всё сходится, – и Путилин рассказал, что сегодня хозяев не будет дома, и поэтому стоит ждать «гостя», который придёт за спрятанной добычей.

– Вы нашли?

– В одной из кадок.

– В левой? – Спрсил Жуков.

– В левой.

– Самое любопытное, что следы на подоконнике, натолкнули меня на одну интересную мысль.

– Извините, какую? – Спросил хозяин. – Ведь это следы вора?

– Да, именно такой была моя первая мысль, но вы не обратили внимания, что след только один.

– И что с того?

– Но ведь человек стал бы на подоконник двумя ногами, а значит должно остаться четыре следа, если вор влез в окно и вылез, а вот отпечаток локтя не вписывается. Скорее всего, можно видеть следы пальцев, а не локтя.

– Но...

– Если отнестись к следам с большей внимательностью, то без сомнения вы обнаружили, что следы оставлены вором, чтобы мы обратили внимание на кучера, ведь это в его камерке найдены серебряное колечко и цепочка.

– Нашли—то у него?

– Это вам так показалось, на самом деле кучер не виновен, да, след оставлен его сапогом, но отпечаток виден весь от носка до каблука, чтобы мы опознали его по гвоздям, каблуку, но ведь человек не наступает так, обычно, на такой узкий подоконник вор стал на носки, а здесь целый след и он оставлен руками. Нажали на сапог и вот уже есть отпечаток.

– Похоже.

– И потом, ну как мог вор оставить только один след?

– Отчего же?

– У вора две ноги.

– А может одна, – пошутил хозяин.

– Тогда он не смог подняться по лестнице, – вполне серьёзно ответил Путилин, – ко всему прочему и внизу на клумбе оставлен только один след и, именно, той ноги, что и наверху. Вас не наводит на размышления?

– Украден? – Господин Даудель почесал лоб.

– Как же может быть он краден, если мы его нашли?

– Н—да.

– Взять один сподручней и легче спрятать, чем два.

– Но как? Откуда у него ключ от комнаты?

– При некотором умении ключ не нужен, в ловких руках хватает простой отмычки.

– Но такой риск...

– Николай Иванович, вы же не следили за хористами, вот один из них, Степан Кольчугин, воспользовался таким поло-

жением.

– Но как он попал в хор?

– Хормейстер сказал, что взял нового человека из— за бархатного голоса, тем более, что Степан пел почти бесплатно. Далее было просто, на открытие двери и ящика хватило полуминуты, сунуть драгоценности тоже не ушло много времени.

– Никогда бы не догадался, а пострадал бы более всех Василий.

– Николай Иванович, почему вы не пригласили полицию, а пропечатали в газете?

Господин Даудель снова густо покраснел и не ответил.

Заводской мститель. 1874 год

– Ты жаловался, что крови вокруг много, – Иван Дмитриевич протянул бумагу помощнику Жукову, присланную в сыское отделение приставом Петергофского участка, – займись—ка этим делом.

Миша пробежал глазами небольшой текст, перевернул бумагу другой стороной, в надежде, что там есть продолжение, но лист был пуст.

– Мы что ж? – То ли удивлённо, то ли разражено произнёс Жуков, – и поджогами заниматься будем?

– Прикажут, будем, – с улыбкой ответил Путилин.

– Так это...

– Миша, задание получил, марш выполнять. К вечеру доложишь о произведённом дознании, – и, взяв со стола ещё один лист, углубился в чтение.

В Петергофском участке пристав титулярный советник Булаев принял Путилинского помощника Мишу Жукова чуть ли не с распростёртыми объятиями. И оно понятно, подсунуть сыской полиции дело, которое заведомо невозможно расследовать. С глаз долой и голова не болит.

– Михаил Силаньич, – с такой искренностью говорил пристав и, если бы не едва заметная улыбка с такой хитринкой, что давала блеск глазам, никогда бы не догадался, что лука-

вит полицейский начальник, — Михаил Силантич, рад бы помочь, да не знаю чем.

— Сведениями, — Жуков обречённо вздохнул, тоже показывая, что, мол, ваше дело, любезный Матвей Иванович, так подвернулось некстати, что заниматься им вроде бы и надо, но не до него.

— Сведения, это, пожалуйста, — пристав поднялся со скрипучего стула и достал из шкапа серую папку с чёрными тесёмками, — сведений — вагон, а толку никакого. Взгляните свежим взглядом, может, что найдёте свежим взглядом.

— Оказывается случай не первый? — Поднял на пристава глаза Миша.

— В том—то и дело, что восьмой.

Миша присвистнул.

— Даже так?

— Именно.

— И вы не смогли вычислить преступника?

— Ну вы, любезный Михаил Силантич, из нас каких—то Видоков делаете. Голова и так кругом идёт.

— Как я вижу, поджоги только в одном месте, на Путиловском заводе?

— Точно так.

— Карта расположения зданий у вас есть?

— Не без этого, для чего он вам? — Булаев снова поднялся и подошёл к тому же шкапу, вернулся с рулоном и, отодвинув со стола чернильный прибор, расстелил лист, с одной

стороны прижав тем же прибором, с другой – уездным справочником.

– Надо же знать в каких местах горело.

Миша поднялся и склонился над чертежом:

– Итак, первый поджог, – Жуков посмотрел на пристава, – не простое возгорание?

– Нет, я тщательно проверил, все случаи подходят под поджог, случайностей, к сожалению, нет.

– Хорошо, первый склад соломы в литейной мастерской, двадцать третье июня в восемь часов вечера. И свидетелей не нашлось?

– Нет.

– Светло, как днём, рабочие по заводу ходят.

– Вот именно, что не ходят, работа кончена, на заводе остаются только сторожа и те, кто проживает в доме, отданном служащим и работникам.

– Значит, либо сторожа не выполняют свой работы, либо тот поджигает, кто живёт здесь.

– Почему такая уверенность?

– Вы посудите сами, пешком добираться сюда неудобно, но не в этом дело, можно запросто нарваться на сторожа или проживающего здесь, а если живёшь, то и внимания не привлечёшь, ведь тебя здесь видят постоянно.

– Тоже верно.

– Тогда примем сие утверждение за рабочую версию.

– Ваше право.

– Место первого пожара прикроем этим пятаком, – Миша положил на карту потёртую монету, – далее, двадцать шестого числа, уже в девять часов и тот же самый склад. Понятно, в первый раз решили, что случайность, сторожа, как ходили сонными мухами, так и продолжили. Урока не получили.

– Наверное, так.

– Второй пожар тоже не насторожил?

– Видимо так.

– Далее двадцать восьмое июня, в этот день в одиннадцать сорок ночи уничтожена огнём до основания строительная будка у ново—котельной мастерской, вместе с содержимым – материалами и инструментами, – очередная монета легла на чертёж. Следующий пожар случился пятого июля, то есть с недельной отсрочкой, вот в этом сарае, – Миша заглянул в бумагу, – в нём хранились сложенные дубовые доски. Складывается впечатление, кто—то старался выдать пожары за самовозгорание, мол, тлело что—то, тлело и в один прекрасный миг полыхнуло.

– Я тоже так думал, – показал пристав, что он не только может писать, но и имеет свои соображения.

– Девятое июля, одиннадцать часов двадцать пять минут, склад метёлок и рябиновых палок и это место мы с вами пометим.

Пристав внимательно следил за Жуковым.

– А я не обращал внимания, что горели склады, сараи с горящим содержанием.

– Посмотрим далее. О! Уже семнадцатого июля и вновь восемь часов вечера, но на этот раз обрубочная мастерская и склад запасных моделей. Дерево, воск...

– Да, да, всякие там опоки, – захотел показать свои познания в работе завода пристав.

Миша улыбнулся и продолжил изыскания:

– Двадцать пятое, здесь семь часов тридцать минут вечера, сразу три места стали очагами пожаров – склады моделей, вот здесь, – монета прикрыла собой склад, – склад угля, выбивается из списка, уголь не так просто зажечь, нет, я не прав, уголь древесный и еще один склад моделей. Последний поджог восьмого августа, то есть вчера.

– Совершенно верно.

– Вы, наверное, отметили, что между такими печальными событиями для путиловского завода, срок между пожарами или, как угодно, поджогами увеличивается, а это означает, что сторожа начали работать, и человеку стало несподручно разгуливать по заводу.

– Я тоже об этом думал.

– Вы сами предпринимали меры по поиску преступника?

– Вы уверены, что злоумышленник был один? – Вопросом на вопрос ответил Матвей Иванович.

– Уверен, посмотрите, как расположены монеты, – привлёк внимание полицейского Миша.

– Словно очерчен круг.

– Вот именно, а что в центре?

– Здание, где проживают служащие и рабочие.

– Вы думаете...

– Да, – Жуков не дал продолжить приставу, – я так думаю.

Наш злоумышленник живёт здесь, – сыскной агент ткнул пальцем на вычерченное на листе плотной бумаги здание. Мне нужен список проживающих.

– Это без проблем, – пристав достал из бездонного шкапа несколько листов бумаги и протянул Мише, – двести тридцать семь человек.

– Так много? – Изумился Жуков.

– Сколько есть.

Миша посмотрел на листы, и некая мысль задребезжала в голове.

– Не будете ли, так любезны ответить, сколько человек, проживавших или проживающих в этом доме были лишены должности, уволены по распоряжению администрации, допустим, с первого мая, нет, слишком далеко, их могли выселить, но если поджоги начались с двадцатых чисел июня, то, скорее всего, – Миша задумался, – скорее всего, с первого июня, да, первого.

– Вы думаете, что один из них?

– Вполне допускаю такой вариант, тем более, что тогда тот, кто совершил поджоги, делал это беспрепятственно, не вызывая никакого подозрения. Кто таковым является? Тот, кто и работает здесь, и живёт. Почему он вытворяет такое? Значит, обижен на что—то, наказан, но скорее всего,

лишён должности, службы, работы?

– Постараюсь вам помочь, – титулярный советник вышел и через некоторое время воротился, может быть, проедем на Путиловский и на месте посмотрим на сгоревшие здания и дом, где проживают работники?

– Я не прочь.

Путиловский механический завод занимал большую территорию, Миша не ожидал такого размаха. На карте всё так мелко, а здесь и деревянные строения в один—два этажа, сараи в десятка два саженой длины, склады, мастерские кузнечные, механические и в этот час грохотало, шумело, суетился народ, только по ему известным делам шныряли люди, подводы, запряжённые кряжистыми с широкой грудью лошадьми, перевозили железо, какие—то детали,.

Сперва наведались в контору, в которой управляющий дал указание одному из помощников найти затребованные сведения.

– Да, господа, – управляющий раскурил ароматную сигару, не забыв предложить гостям, – вы представляете во сколько обходится то, что нам пришлось увеличить штат сторожей, организовать несколько десятков конных патрулей. Я уж не говорю о сгоревших строениях, убыток уже перевалил за сто тысяч рублей, не каких—то ассигнационных, а полновесных, серебряных, – он поднял палец кверху. – Я вас прошу, найдите злоумышленника, на определённое воз-

награждение вы можете рассчитывать, за нами не заржавеет.

Пристав Булаев заёрзал на стуле и глаза до того бывшие безцветно—равнодушными в миг преобразились и засияли неподдельного интереса блеском.

– Всё, что в наших силах, – пролепетал Матвей Иванович.

– Скажите, – Миша обратился к управляющему, – у вас самого возникли какие—либо подозрения относительно того, почему всё—таки происходят поджоги?

– Я много думал, но не пришёл к определённом выводу. Мне кажется, что на такие дикие поступки способен только умалишённый.

– Вы не рассматривали месть?

– Нет, даже в голову не приходило, за что? – Пожал плечами. – Нет, не могу представить.

– Может быть, за увольнение?

– Рабочие и служащие получают у нас довольно солидное вознаграждение и никто по собственной воле нас не покидает.

– Был ли кто лишен должности или места за проступки?

– Возможно, но в точности сказать не могу, этим вопросом занимается мой помощник. А вот, видимо, и он. – В дверь раздался стук и вошёл сравнительно молодой человек с листом бумаги в руки, – передайте господину Жукову.

Миша пробежал глазами список.

– Здесь три фамилии, скажите все они проживают на территории завода.

– Нет, – ответил помощник управляющего, – только господин Вейдель.

– Вейдель Альфред Петрович, – сыскной агент снова заглянул в бумагу.

– Совершенно верно.

– Что вы можете о нём сказать?

– Ничего, кроме того, что работал контролёром.

– За что лишён должности?

– За поборы с рабочих, искавших мест.

– Он проживает один или с семьёю?

– Кажется, с сыном.

– Когда лишён должности?

– Двадцатого июня.

– Пожары начались двадцать третьего, – проговорил Жуков и поднялся со стула, прошёлся по кабинету, – давайте поступим таким образом, вы, – он обратился к помощнику управляющего, – предупредите господина Вейделя, чтобы завтра он должен освободить квартиру для нового контролёра.

– Но... – начал управляющий.

– Вам нужен злоумышленник?

– Но Вейделя можно арестовать без драматических эффектов.

– Можно, но против Альфреда Петровича нет ни одной улики, а только мои умозаключения и, если они верны, то господин Вейдель постарается в последний раз отомстить

вам за увольнение. Поэтому необходимо, Матвей Иванович, – Миша посмотрел на пристава, – установить наблюдение за Вейделем и его сыном.

– Сыном?

– Да, и за сыном, ему, как я вижу, – Миша снова взглянул на лист, отданный ему помощником управляющего, – тринадцать лет и он вполне, может быть, спичкой в руках отца.

– Сомневаюсь.

– Могу сказать, что до полуночи либо ваши сомнения развеются, либо придётся искать иным способом преступников.

– Но вы сами не уверены в том, что правы?

– Уверен, – чуть резче, чем следовало, сказал Жуков.

– Вы тоже будете присутствовать сегодня, будем надеяться, при завершении драмы?

– Обязательно.

Вечернее ожидание не затянулось. В десятом часу из дома через чёрный вход вышел Пётр Вейдель, тринадцатилетний подросток с крупными чертами лица, большими руками, короткими на голове волосами соломенного цвета и отсутствующим выражением на лице. Постоял у входа, огляделся и, словно бы таясь, прислушиваясь к каждому звуку, осторожно двинулся в сторону сарая с сеном для заводских лошадей.

Взяли с поличным, когда Пётр достал спички из кармана.

Вести допрос доверили сыскному агенту, хотя он и отнекивался. Путилинское задание выполнено и в Петергофском

участке делать было нечего.

– Значит, твоё имя Пётр Альфредович Вейдель, сын мещанина из города Риги.

Задержанный молчал.

Миша барабанил пальцами по столу.

– Твоё молчание только усугубляет вину, ты взят на месте преступления, точно такие же поджоги совершены ранее и ты не похож на маленького мальчика, ради забавы балующегося спичками, можно сделать определённый вывод, что злодеяния совершены сознательно, поэтому церемоний с тобой не будет. За восемь пожаров придётся нести наказание, тем более, что ущерб нанесён заводу господина Путилова немалый. Ты знаешь сумму?

Пётр в первый раз за время допроса выказал любопытство, но промолчал, явно ожидая, что столичный агент удовлетворит интерес.

– Да, Пётр, придётся тебе отвечать за двоих.

– Отчего?

– Подстрекателя не привлечёшь.

– Да, не было никакого подстрекателя, одно моё баловство.

– Не скажи, – покачал головой Миша, – не поверю, что ты почти взрослый

мужчина, а балуешься такими вещами – спички, поджоги. Вейдель засопел.

– Так что подстрекатель останется в стороне. Известно же,

что Альфред Петрович решил отомстить заводу за лишение места руками сына, то есть твоими и говорил он, видимо, что тебе, как недостижнему четырнадцати лет, ничего не грозит, кроме порицания. Ан нет, умолчал твой родитель, что согласно девятьсот тринадцатой статье Уложения о наказаниях, – Миша импровизировал, называя первую пришедшую статью в голову, – человек, принесший ущерб более чем на десять тысяч рублей подвергается заключению под стражу и высылку на десятилетний срок на каторгу с двенадцати лет, – Жуков выделил последнюю цифру, – а убытки завода, вот подтвердит пристав Булаев, составил более ста тысяч рублей серебром. Вот и смекай, любезный Пётр, сын Альфреда, где тебе предстоит провести молодые годы.

– Я не виноват, – вскочил с места подросток, – это всё он.

– Кто он?

– Родитель мой, заводской мститель.

Санкт—Петербург, 2014, июнь 8

Жизни лишил 1874 год

29 ноября в 10 часу вечера от пристава 2 стана Петербургского уезда пришло известие о найденном на полях имения графа Кушелева—Безбородько женском трупе с верёвкой на шее.

Хорошо, хоть день выдался тёплым, к вечеру, правда, поднялся ветер и нагнал тяжёлых почти чёрных туч, но, Бог милостив, дождём землю не залил.

Начальник сыскной полиции Путилин надевал плащ, собираясь, домой, когда постучал в дверь дежурный чиновник.

С унылым видом Иван Дмитриевич читал присланную приставом телеграмму. Хотелось усесться в потертое домашнее кресло, такое удобное, что и спина потихонечку отпускала, ноги, за день устававшие от ходьбы, из ватных превращались в болезненные бруски, но и боль вскоре утихала.

Перед Путилиным, как обычно в таких случаях, вставала дилемма, то ли вызывать сыскных агентов и ехать на место преступления, то ли направиться туда, на графские поля, завтра с утра, когда над землёю засереет осенний рассвет и хоть что—то можно будет рассмотреть.

Долг взял верх.

– Кто из чиновников по поручениям в сыском?

– Только Жуков, – после некоторого раздумья произнёс дежурный.

– Позови, я подожду здесь.

Через несколько минут запыхавшийся помощник предстал пред светлые очи начальника.

– Иван Дмитрич, по вашему, – начал было Миша, но Путилин прервал его жестом.

– Миша, не юродствуй, – голос звучал устало и тихо, – человека жизни решили, а ты, – махнув рукой, пошёл на выход, следом побрёл, опустив вихрастую голову и сжав до боли красные пухлые губы, Жуков.

Николай Иванович Стыров, исполнявший должность станового пристава, чин имел соответствующий положению – коллежский асессор, но, не смотря на двадцать пять лет беспорочной службы, не имел надежды перейти в надворные. Не то, чтобы смирился с положением, а наоборот был такому случаю, рад. Живёшь при стане кум – королю, сват – министру. Ни внезапных тебе проверок, подумаешь, дважды в год участковый пристав наведается, ни серьёзных происшествий, так по мелочи, пожары, драки, разборки между жителями, а тут на тебе. Не ждёшь беды, а она вот к воротам подкатила.

Николай Иванович сперва оробел, даже седой ёжик волос на голове дыбом встал. А потом смекнул: ба! Недавно циркуляр был о том, что сыскная полиция вправе помогать в расследовании сложных дел уездным властям. Вот и случай подходящий, найдут убийцу, значит, и он, коллежский асессор

Стыров приложил к следствию руку, а ежели нет, так на нет и суда нет. Куда не посмотри, везде хоть немного да пользы.

Продиктовал Николай Иванович телеграмму, хотел сперва только приставу Полюстровского участка Карлу Карловичу Тавасту отослать с предложением затребовать столичных полицейских, но решил убить двух зайцев – отослать бумаги и в сыскное отделение, и участковому приставу, перекрестил, отослал и стал ждать, кто первым откликнется.

Надворный советник Таваст не заставил себя долго ждать, прикатил чуть ли не через час после получения столь тревожной телеграммы. Полюстровский участок, конечно, не Эдем, но кровавых злодеяний здесь давненько не бывало. На место преступления не взглянул, а распорядился труп отвести в соседнюю с полями имения деревню Полюстрово, считающейся ко всему прочему волостным центром.

Так как близилась ночь, хотя итак в ноябре темнеет рано, а здесь столь трагическое происшествие, решили остановиться на ночлег у местного старосты Ефграфа Егоровича, степенного старика с широкими плечами и ладонями, как две лопаты. Сыскных агентов в этот вечер не поджидали, но только налили по чарке доброй водки, любезно выставленной старостой, накололи на вилки по груздю новой засолки, раздался сильный стук в дверь.

Николай Иванович поперхнулся и кивнул старосте:

– Кого там принесло?

В избу первым шагнул Иван Дмитриевич, снял шляпу

и протянул вместе с тростью Мише.

– Мир вашему дому! – Пригладил ладонью волосы.

– Господин Путилин, – с изумлением в голове произнёс Карл Карлович, поднимаясь со скамьи с рюмкой в руке. Видимо, заметил, быстро поставил на стол и щёки его заалели.

– Совершенно верно, – начальник сыскной полиции улыбнулся добродушной улыбкой, – Иван Дмитриевич Путилин собственной персоной. Как я вижу, из моего отделения никого не ждали?

– Да... – начал Полюстровский пристав.

– Карл Карлович, если не ошибаюсь? – Прежде, чем куда—то выезжать, Путилин интересовался с кем он может встретиться и поэтому знал не только фамилии, имена—отчества, но и служебный путь.

– Именно так.

– На улице, господа, темень, хоть глаз выколи, а с лампами и факелами, надеюсь понятно без слов, на месте преступления мы ничего не сможем рассмотреть.

– Верно.

– По небу и месяцу видно, что ночью дождь не собирается, именно поэтому примете, – Иван Дмитриевич подмигнул Мише, – нас, – он указал на Жукова, – в вашу компанию, кстати, рекомендую толковый малый, Михаил Силантьевич Жуков, мой помощник.

После пожатия рук присели за стол, воцарилась неловкая пауза. Пристав Таварт не решался предложить водки началь-

нику сыскного отделения, ибо слышал разное и не хотел, как говорили в гимназии, нарываться.

Утром проснулись со свежими головами, на столе дымились блины, рядом молоко, сметана, мёд, рассыпчатый творог, а во главе ведёрный самовар, на который взгромоздился медный начищенный до блеска чайник.

– Господа, может быть... – начал староста, но от взгляда Путилина осёкся и хрипло крикнул жене, чтобы несла мясо, яйца и солёные грибы.

После трапезы Полюстровский пристав поинтересовался:

– Не желаете взглянуть на труп?

– После того, как осмотрим место, где он найден был, – ответил Иван Дмитриевич.

Выехали через час, как раз начало светать.

Сперва Путилин хотел посмотреть место преступления, чтобы составить не только впечатление, а именно, нарисовать картинку, как произошло убийство, чтобы потом внести некоторые детали или вычеркнуть представляемое из памяти, чтобы по новому взглянуть.

Через поле проходила прямая дорога шириною в три — три с половиною аршина, по обе стороны вырытые в локоть канавы.

– Вот там, – становой пристав указал на рощицу, – тропинка через лесок идёт, вот у него и нашли женщину.

– Кто нашёл?

– Безбородька.

– Кто?

– Так у нас почитай вся деревня Безбородьки, после Манифеста всех этой фамилией записали.

– Понятно, так кто?

– Пантелей Безбородька, местный юродивый, ходит по округе, милостыню просит, кому в чём пособит, вот с хлеба на квас и перебивается.

– Как обнаружил?

– Вот мы с вами в деревню вернёмся, а я приказал, чтобы Пантелея до особого распоряжения не отпускали. С ним и поговорим.

Доехали до рощицы, вдоль деревьев вилась вытоптанная тропинка.

– В саженьях десяти и нашёл он женщину, – указал рукой надворный советник Таварт, – там место ветками накрыто, не так ли, Николай Иванович?

– Так точно, – улыбался становой, не вылезая поперёд начальника.

Ветки убрал сопровождающий процессию полицейский. Ничего примечательного – вытоптанная за лето извивающаяся вдоль рощицы тропинка, с одной стороны к ней подходил невысокий кустарник, теперь в это время года ощерившийся тонкими чёрными ветвями, с другой – полоска пожелтевшей травы и далее вспаханное поле.

– Значит, найден труп на этом самом месте? – Иван Дмитриевич остановился перед ничем не примечательным местом.

Карл Карлович посмотрел на станового, который ответил:

– Именно здесь Пантелей ее и обнаружил, как только нашёл, сразу к старосте, а тот запряг коней и за мной, в Рыбацкую слободу, отослал сына.

– Вы прибыли сразу же?

– Через час, может быть, полтора.

– Таким образом вы первый представитель полиции, который оказался на месте преступления.

– Получается так.

– В каком положении была убитая?

– Ноги согнуты в коленях, руки раскинуты в стороны.

– На спине?

– На спине, глаза были открыты и смотрели в небо, шла в сторону мызы Окерваль, до которой от Полюстрава одна верста.

– Отчего такая уверенность?

– Вчера нами обнаружено, что убитая Анна Ивановна Дорофеева, крестьянка деревни, – становой полез в карман и достал маленькую книжицу в потертом кожаном переплётёте, долго листал, но потом обрадовано прочёл, – вот, Анна Ивановна Дорофеева, православного вероисповедания, пятидесяти лет, крестьянка из деревни Мелково Рождественской волости Гжатского уезда Смоленской губернии, – Ни-

колай Иванович поднял глаза на Путилина, – я, – поправился, кинув взгляд на участкового пристава, – мы решили, что женщина могла идти из столицы, если в Полюстрове ее не знали, то в ближайшую деревню, так и оказалось в Окервале у нее муж, – он снова посмотрел в книжицу, – Зиновий Лазаревич, пятидесяти трёх лет, служит при купоросном заводе купца Анохина. Он опознал убитую.

– Превосходная работа, – похвалил станового Иван Дмитриевич, – вы, наверное, сами справились бы со следствием?

Николай Иванович промолчал, вместо него ответил участковый пристав.

– Вы ним льстите, господин Путилин, без вашей помощи мы не сможем распутать такой клубок. Выяснили личность убитой, а далее? Не арестовывать же ее мужа в подозрении? Далее какой путь выбрать, если не знаем, куда идти?

– Пойдём вместе, господин Таварт, – Иван Дмитриевич повернулся к Жукову, – ты всё записал.

– Да.

– Муж убитой Зиновий Лазаревич не сказал, откуда могла идти жена?

– Он показал, что с Дорофеева проживает по Екатерининскому каналу, в доме господина Фохтса, – становой, предвидя вопрос начальника сыскной полиции о месте проживания Анны Ивановны, назвал ее адрес в столице, – и шла, видимо, к нему.

– Муж ждал вчера прихода жены?

– Нет, для него стало не приятным известием, если можно так назвать, сей трагический случай.

– Мне хотелось бы с ним поговорить.

– Непременно, – сказал Николай Иванович.

– Здесь более смотреть нечего, – Путилин прошелся около места убийства, ни мусоринки городской, ни следа, только то, что дала земле природа – пожухлая трава, утопанная земля, скинутые деревьями жёлтые и красные листья, – теперь к нашей убиенной.

– Зачем выезжали? – Шепотом спросил Ивана Дмитриевича Миша. – И так всё ясно.

Путилин красноречиво окинул помощника грозным взором.

Убиенная лежала на полу ледника, крытая рогожкой. Седые волосы выбивались из—под цветастого платка, глаза с неумением уставились в тёмный потолок, вокруг шеи петлёй висала верёвка. Путилин опустился на корточки и повертел в руках конец орудия убийства, как сухо пишут в протоколах. Прищурил глаза, осматривая багровый след на мёртвой коже. Покачал головой, поднялся на ноги, задумчиво уставился в стену, словно что—то прикидывал или вспоминал.

– Теперь к мужу, – сказал Иван Дмитриевич, выходя из холодного помещения, не обращая внимания на выражение лиц полицейских, которые хоть с интересом, но с некоторым

недоумением взирали на действия сыскного начальника.

Зиновий Лазаревич оказался высоким мужчиной с седо-
ватой щетиной на впалых загорелых щеках. Бросались в гла-
за его большие уши, которые стояли торчком и их не скры-
вали убелённые временем волосы.

Дорофеев смотрел тусклыми глазами в стену и не мигал,
словно на него опустилась не то оторопь, не то крылья беды.

– Мне не известно, почему она среди недели решила меня
навестить? – Покачал головой. – Не знаю... Жили мы врозь,
она место нашла в городе, я – здесь. Ей далеко отсюда идти,
мне оттуда, вот и виделись только по воскресным дням и то,
не каждый раз.

– Всё—таки должна быть причина ее столь спешного при-
хода к тебе? – Допытывался Иван Дмитриевич.

– Ну, не знаю я, не знаю.

– Скопленные деньги, где ты хранил? – Подходил Пути-
лин с другой стороны.

– Так у меня, ну часть в деревню я посылал.

– Могла ли она получить некую сумму денег и нести тебе?

– Да вроде бы, – он задумался, – когда она сюда приходи-
ла, то приносила, то пять, то десять рублей, а один раз и два-
дцать пять.

Иван Дмитриевич обратился к становому.

– При Анне найдены деньги?

– Нет, ни копейки.

– Может быть ее, – и мужчина заплакал, невысказанное повисло в воздухе.

– Когда она собиралась к тебе или ты к ней?

– На следующей неделе она ко мне.

– Что—нибудь ценное она носила, кольцо там, цепочку, крестик, иные золотые или ценные вещицы?

– Откуда у нас? – Размазывая внезапную слезу по щетинистой щеке сказал Зиновий Лазаревич. – Крестик золотой, доставшийся от бабки, и тот на кожаном шнурке, да и колечко такое с красным камешком тоже от бабки.

– Крестика не было, – произнёс тихо Николай Иванович, – и колечка тоже.

– Ограбление? – Уже на улице спросил пристав Полюстровского участка.

– Не исключено, – ответил в задумчивости Путилин.

– Что далее?

– В вашей заботе опросить всех деревенских, в особенности мальчишек, – Иван Дмитриевич напутствовал полицейских, – эти бегают повсюду, может, видели незнакомцев в этих краях. Всякое бывает.

– Опросим, – хмуро ответил становой.

– Куда теперь? – Всё пытал начальника сыскной полиции пристав Таварт.

– Поговорить с юродивым и в столицу, мне кажется, оттуда началась трагическая история и там должна завершиться.

– Вы рассчитываете поймать убийцу?

– Служба у нас такая, когда получается, защищать город от злоумышленников, а когда опаздываем, как сейчас, то в нашей обязанности задержать и представить пред очи судьи того, кто поставил себя над законом Божеским и человеческим.

Местный юродивый оказался не таким юродивым, как о нём говорил становой пристав. Да, был Пантелей каким—то невзрачным, увидишь на улице, отвернёшься от него и позабудешь, как выглядит.

Фамилию свою юродивый получил от бывшего хозяина. Когда объявлен был Манифест 19 февраля 1861 года бывшим холопам давали фамилии тех, чьими крепостными они являлись, вот половина деревни и стала Безбородьками.

– Иду я, значит, вдоль рощи, а впереди, словно тряпья куча, ну я, значит, к ней, а это баба, руки раскинула, ноги подогнуты. Я, значит, подумал, что вина что ли перепила, за плечо тормашу, а она ни звука и на шее верёвка, ну я, значит, к старосте. Говорю, значит, так и так, на усадьбённых полях баба лежит, значит, мертвее не бывает.

– Никого рядом не видел?

– Не—а, значит.

– Может. Телега какая или коляска?

– Не—а, я бы сразу сказал, значит, никого не видел.

– Бабу признал?

– Не—а, как звать, значится, не знаю, а что в Окервале видел, так это точно.

Сколько не пытался Путилин из юродивого что—нибудь ещё вытащить, но в деле не преуспел, хоть это и то хлеб.

– В столицу, Иван Дмитриевич.

– Да, я думаю там больше узнаем, чем здесь.

– Ой ли, – покачал головой становой пристав, увидев взгляд Карла Карловича и поэтому решился задать вопрос статскому советнику Путилину, пользующемуся благоволением государя.

– Вы здесь местных расспросите, кто—то что—то мог видеть, а мы, – Путилин указал на поощника, – начнём со столицы. Дорофеева там проживала и оттуда шла, следовательно, что—то толкнуло ее на приход сюда. Вот этим мы и займёмся, чтобы продолжить следствие с двух сторон, ведь преступник не сидит на месте и нас не ждёт.

– Понятно, Иван Дмитриевич, – Таварт поправил пенсне.

– О самом важном предупредите нас телеграммой.

– Несомненно.

– И если понадобится наше присутствие, то мы всегда к вашим услугам.

В тот же день вернулись затемно, уставшие от разговоров и переездов, хотя расстояние невеликие, но тряска не добавляла физических сил.

Следующим утром Жуков направился по адресу, где проживала Дорофеева. Оказалось, Анна работала прачкой при бане, там же и проживала, не сколько из—за удобства, сколько из—за экономии денег.

– Вот ее угол, – указал рукой управляющий на аккуратно застеленную кровать, представляющую из себя нары, на которые брошен тонкий ватный тюфяк, одеяло, небольшая подушка.

– Какова была Дорофеева? – Спросил Миша, а сам вытащил из—под кровати деревянный сундук.

– Какая? – Почесал затылок. – Какая? От работы не уклонялась, делала всё, что требовалось. А более мне и не надо было.

– Понятно, – Жуков открыл сундук. Там лежали исподние бельё, какие—то кофточки, юбки, платья и никаких украшений и денег. – кто к ней приходил или с кем Дорофеева прятельствовала?

– Слежу за порядком и чтобы лишних людей здесь не бывало, а чем они заняты за дверьми. – управляющий указал на выход, – меня не беспокоят их дела.

– Но...

– Молодой человек, – с кривой улыбкой начал управляющий.

– Господин Жуков, – оборвал Миша, ему не нравились такие люди, которые от всего отрекаются, что идёт в ущерб им и их работе, – или можно Михаил Силантьевич.

– Господин Жуков, – побагровел и тяжело задышал собеседник.

– Я думаю, не стоит ссориться с полицией, тихим голосом произнёс путилинский помощник, – вы служите при бане, мы служим государю и стоим на защите закона. Надеюсь, я ясно выражаюсь.

– Ясно, – ответил на Мишин выпад управляющий, а сам подумал, что околоточный, которому он платит, мелковат по сравнению с чинами сыскного отделения, поэтому не стоит портить отношения.

– Я вижу здесь ещё две кровати, можно побеседовать с их хозяевами.

– Сейчас позову, – не выдержал управляющий и прошипел сквозь зубы.

Первой вошла женщина лет пятидесяти, волосы закрыты платком, лицо покрасневшее от работы.

– Меня зовут Михаилом Силантычем, я из сыскной полиции. Вы, наверное, уже слышали о Дорофеевой?

– Гроша медного наша жизнь не стоит, – посетовала женщина, теребя фартук.

– Господь даёт жизнь и ее же забирает. Как вас кличут?

– Марфа.

– Скажите, вы хорошо знали Анну?

– Не то, чтобы хорошо, зачастую человек сам себя не может понять.

– И всё—таки?

– Бок о бок жили года три.

– Довольно большой срок, можно узнать соседку по кровати.

– Анна немногословна была, разговаривала мало, а ещё меньше о себе рассказывала.

– Что—то же говорила?

– Как все мы, приехала из деревни с мужем, устроиться могла здесь, он где—то в уезде. Виделись они редко, большей частью она к нему ходила и всё пешком. Привыкла, говорила, да и трат меньше. Все деньги копили на домик и живность, детей им Бог не дал.

– Муж обижал ее?

– Честно скажу, не знаю и чтобы бил, по крайней мере следов не видела.

– Как часто она к мужу ходила?

– Раз – два в месяц.

– Ценное что—нибудь носила? Кольца там, серьги?

– Не видела, нет, постойте, – женщина поднесла ко рту полу фартука, – кольцо носила с камнем, но не знаю, насколько ценное.

– К Анне кто—нибудь заходил?

– Нет, хотя постойте, третьего дня заходил к ней мужчина.

– А имя?

– То ли Прокофий, то ли Порфирий, не помню.

– Как он выглядел?

– Да обычный, – женщина пожала плечами. – в рабочей

куртке.

– Заводской?

– Железнодорожник, вот здесь, – она показала рукой на место, где на куртках пришиты петлицы, – их знаки.

– Железнодорожник, значит. Ранее заходил когда—нибудь?

– Может и заходил, но я внимания не обращала.

– Что он хотел?

– Не знаю, но вечером Анна засобиравалась к мужу.

– Ясно, лицо у него какое, у железнодорожника этого.

– Какое? Круглое, борода козлиная, словно человек хочет выглядеть солиднее, да природа не даёт, картуз надвинут был чуть ли не на глаза. Да, руки тёмные, словно отмыть не может от грязи, въевшаяся такая.

– Угольная?

– Может, и угольная, но приметного больше ничего. Если только сапоги.

– Что сапоги?

– Каблуки разные, один низкий, второй высокий, словно ноги у него, этого железнодорожника, разной длины.

– Лет сколько железнодорожнику?

– Не знаю, но может лет тридцать, хотя лицо такое, ну, не знаю, уставшее чтоли.

– Как встретила Анна незнакомца?

– Сперва удивилась.

– Потом?

– Глаза ее забежали, не знаю, от испуга ли, а может по иной причине, не знаю.

Вторая соседка по кроватям ничего нового не добавила, только указала, что на железнодорожнике была чёрная куртка, а вот брюки, заправленные в сапоги, синего цвета, как у городских, и глаза серые, выцветшие, какие—то безжизненные, лицо худое, изнеможённое, словно болен чем—то не лечимым.

Возвратясь в сыскное, Миша послал телеграмму становому, чтобы тот разузнал у Дорофеева, есть ли среди знакомых Прокопий или Порфирий, и служит ли кто на железной дороге. Сам же доложил об узнанном Путилину.

– Так, так, становится теплее, – начальник сыскной полиции выхаживал по кабинету, – не одна отправилась к мужу, путь—то неблизкий.

– Даже очень, – подхватил мысль Ивана Дмитриевича и, повернув голову в сторону остановившегося Путилина, произнёс, – Дорофеева, когда ходила сама, то непременно пешком, а со знакомым могла проехать на дрожках.

– Вот именно, ты, Миша, проверь, конечно, в стоге иголка, но поспрашивай у извозчиков. Если номерные, то мы непременно его найдём. Слух, как ураган пронесётся и явится голуба наша, а вот если из деревни.

– Иван Дмитрич, из деревни рановато, эти по первому снегу в столицу приезжают на заработки, а ныне погода по-

смотрите какая? У них у самих делов дома много.

– Возможно, ты прав, Миша, так что ступай, времени всё меньше, а преступник, может быть, далече.

Среди извозчиков в обычае быстро распространялись новости, артели всегда стремились помочь Путилину, который не один раз он вытаскивал их из не совсем приятных историй.

Николай Иванович, становой пристав, ответил на телеграмму после разговора с Дорофеевым. Коллежский асессор Стыров не мог в нескольких словах послания поведать, что Зиновий Лазаревич сперва покраснел лицом, потом без перехода побледнел, схватился за сердце и хриплым заикающимся голосом спросил:

– Порфирий?

В телеграмме было сказано, что Дорофеев ничего не поведал, хотя что—то скрывает.

– Вот что, Миша, – после прочтения Путилин протянул бумагу с двуглавым орлом помощнику, – расспроси—ка Дорофеева сам. Чую, здесь зарыто что—то.

Когда уехал Жуков, прибыл извозчик, который поведал Путилину, что отвозил женщину и человека в железнодорожном сюртуке к полюстровской дороге, что именно, мужчина настоял на пешей прогулке, и что перед этим заеха-

ли по дороге в трактир «Смоляне, где мужчина, которого женщина звала Филей, выпил косушку водки, стал мрачным и неразговорчивым. Женщина пошла с ним по доброй воле, он ее не тащил и не заставлял.

Жукову не надо долго разъяснять, что полезно следствию, а что будет во вред. Путилинский помощник сразу же направился в Окерваль для разговора с Дорофеевым, не стал Миша заезжать за станovým, ибо по опыту знал, что человек закроется, как улитка, отгородится стеной и ничем не прошибить, а вот с незнакомым, пусть хотя бы и сыскным агентом, может разговориться

Для беседы Жуков спросил у управляющего купоросного завода предоставить любое мало—мальски приспособленное помещение, чтобы никто не мог помешать.

Ссутулившийся Зиновий Лазаревич сидел на краешке стула, за день настолько сильно изменился — волосы торчали в разные стороны, лицо вытянулось, скулы торчали сквозь почти прозрачную кожу, глаз не поднимал, но чувствовалось, как он смахивал слёзы, одна за другой текли по впалым щекам.

— Вы, наверное, меня помните? — Начал Миша.

Мужчина скользнул по Жукову взглядом, но вновь уставил глаза в пол.

— Третьего дня мы с вами разговаривали.

Дорофеев покачал головой.

– За это время выяснилось несколько новых подробностей и хотелось бы, чтобы вы помогли в них разобраться.

– Да чем же я, – и умолк.

– Тяжело говорить, но без вашего разъяснения нам не продвинуться дальше. Вы же хотели, чтобы убийца понёс наказание?

– Не только, – тяжело задышал, – я бы, – и вновь замолчал.

– Вам тяжело говорить?

Тяжёлый вздох вырвался из груди старика.

– Вам знаком кто—либо по имени Порфирий?

Зиновий Лазаревич закрыл глаза рукою и по плечам Миша отметил, что старик безутешно плачет.

– Мы нуждаемся в вашей помощи.

– Я говорил, что когда—нибудь он сделает что—то худое нам с Аней.

– Кто он? Порфирий?

– Порфишка, – зло сказал Дорофеев, – родная кровь наша, сын наш единственный – Порфирий Зиновьевич.

– Это он был с Анной Ивановной в день, – Миша остановился.

– Скорее всего.

– Он к вам не заходил?

– Нет.

– Чем он провинился?

– Чем, – горестно ухмыльнулся старик, – до двадцати лет он семь раз побывал в тюрьме. Вы понимаете это, семь раз, –

Зиновий Лазаревич устался на свои руки, мы не знали, что нам делать, через него мы лишились дома и когда чаша терпения переполнилась до такой степени, что я готов был поднять руку на собственного сына. Мы решили сдать Порфишку полиции, тем более, что находился в розыске уже не за кражу, а за то, что убийцей стал. Благодаря моему ука-занию, полиция арестовала его и товарищей, я прослышал на суде, он поклялся нам, тем, кто даровал ему жизнь, ото-мстить. Мы уехали из деревни и успокоились, хотелось про-сто пожить без прихода среди ночи пьяных компаний, без постоянных драк, без угроз.

– Порфирий отбыл наказание?

– В октябре он должен был выйти.

– Значит, он в столице?

– Видимо, начал мстить старикам, – Дорофеев закрыл гла-за, – мне—то больше ничего не надо, поймайте этого злодея, прошу вас, поймайте. Мне жизни не жалко, сколько ее оста-лось—то?

– Вы не знаете, где он мог остановиться в столице?

– По притонам, где ж ещё?

– Почему вы о нём нам сразу не сказали?

– Забывать о нём мы стали в последнее время, словно не было его в нашей жизни.

– Стало быть, вы поможете его изловить?

– Чем я могу? – Дорофеев выставил узловатые руки впе-рёд.

– Вы говорите, что Порфирий сюда не приезжал, так?

– Так, – и старик начал понимать, – он сюда явится по мою душу?

Миша молчал.

– Хотите на него капкан поставить, а меня вместо приманки. – Зиновий Лазаревич взглянул на Мишу ясным взором, так не вязавшимся с тем, который был ранее, – давайте, я согласен. Пусть этот негодяй сгниёт на каторге.

По анохинскому телеграфу (купец не пожалел денег на дорогостоящую «игрушку») Жуков передал в сыскное сведения, полученные от Зиновия Лазаревича, и попросил срочно прислать агентов для устройства засады на Порфирия Дорофеева.

Сперва стих ветер, днём бросавший в лица упавшие листья, к вечеру стих, уступив дорогу сумраку, который начал постепенно сгущаться, пока не оставил на небе зарождающиеся рога молодого месяца, а на земле освещённые дома по большей части лампами и лучинами, напоминающие мерцающие звёзды.

Зиновий Лазаревич задёрнул на окнах занавески, оставляя одну небольшую щель, чтобы с улицы складывалось впечатление, что дома он один внимательно читает старую толстую книгу.

Миша сидел в тёмном углу, в потной руке сжимал деревянную рукоять пистолета, прислушивался к каждому шоро-

ху, ведь агенты не успели прибыть. Боязни не было, но иногда холодок страха подступал к сердцу, напоминая укол, что не только тело, но и душа жаждет жизни.

Около полуночи раздался в окно тихий стук, но от которого Мишу бросило в жар, что по спине полились капли пота.

Дорофеев с некоторым испугом посмотрел на Путилинского помощника, спрашивая глазами, что делать.

Жуков кивнул, мол, спроси, кто там.

Зиновий Лазаревич поднял занавеску, за окном виднелось почти белое лицо.

– Кто? – Спросил Дорофеев.

– Свои, – раздался в ответ хрипловатый голос.

– Кто свои?

– Сына не признаёшь? – Теперь спина похолодела, и Миша ещё крепче сжал рукоять пистолета.

– Порфирий?

– А то, кто же? Отворяй, – приказной тон не выбивался из шёпота, видно, не хотел Порфирий привлекать чужого внимания.

Дорофеев снова посмотрел на Жукова, тот кивнул, мол, отворяй.

Когда в комнату вошёл человек в железнодорожной куртке, стало словно бы мало места в помещении.

– Один? – Хмуро сказал Порфирий, оглядывая комнату.

– Как видишь, – отец развёл руками.

– Не ждал, небось?

– Давно перестал.

– Давно... А я вот по твоей милости десять лет браслеты на руках и ногах таскал.

– Сам себе судьбу определил.

– Дак не я себя упрятал, – злобно сквозь зубы процедил Порфирий, – в каторжные работы. А ныне хватит, – он ударил ладонью по столу, – может сына, как положено, встретишь, чарку поднесёшь, хлеб—соль подашь. Иль из сынов вычеркнул? – Голос зазвучал как—то зловеще.

Жуков стоял за дверью, боясь лишним вздохом себя выдать. Пот выступил на лбу и редкие капли пробежали к глазам, защипало, но Миша терпел, сжимая в мокрой руке рукоять.

Старик поставил на стол тарелку с хлебом, миску с солёной капустой, огурцы, два стакана и бутылку. Сел сам.

– Знаешь, как сына встретить, а всё прибедняешься, – Порфирий с кривой улыбкой взял нож и проверил остриё лезвие, – остёр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.